

АЛЕКСАНДР
ТАМОНИКОВ
ВОИН

ДУРМАНЯЩИЙ ВЕТЕР-АФГАНЕЦ

Спецназ. Воин России

Александр Тамоников

Дурманящий ветер-афганец

«ЭКСМО»

2008

Тамоников А. А.

Дурманящий ветер-афганец / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2008 — (Спецназ. Воин России)

ISBN 978-5-699-65823-7

Наркобарон Вахтанг придумал хитрый способ, как незаметно для пограничников переправить из Афганистана в Таджикистан и далее в Киргизию сверхкрупную партию героина. Отвлечь внимание погранцов имитацией нападения боевиков, а в это время из-за кордона хлынет толпа афганских «беженцев», неся в халатах запрятанный порошок, который тут же разойдется по наркокурьерам... И план вроде бы вполне удастся. Вот только не подозревает Вахтанг, что специальная Федеральная служба по борьбе с наркомафией «Виртус» давно в курсе задуманного им и приготовила ему ответный «сюрприз»... Книга ранее издавалась под названиями «Наш ответ наркобаронам» и «Силы быстрого развертывания».

ISBN 978-5-699-65823-7

© Тамоников А. А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	32
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Тамоников

Дурманиящий ветер-афганец

Иных уж нет, а тех замочим!
Григорий Стернин

Все действия и персонажи книги вымышлены. Организационная структура пограничных подразделений и место их дислокации сознательно заменены. Всякое совпадение с конкретными личностями, событиями, когда-либо имевшими место в действительности, не более чем случайное и никак не затрагивает ничьего национального достоинства.

Автор

Часть I

Операция «Цунами». Этап «Внедрение»

Глава 1

Горный перевал на границе Таджикистан – Киргизия. Окрестности контрольно-пропускного пункта второй заставы Караульского погранотряда на трассе Форог – Ашал

Отряд специального назначения «Бадахшан» Федеральной службы по борьбе с наркомафией Х-4 «Виртус» в сорок профессионалов под командованием полковника Полуянова уже четвертые сутки после переброски сюда скрытыми горными тропами, разбившись на четыре группы, оцепившие КПП, наблюдал за работой пограничного пункта.

Через пост проходило много автомобилей, в большинстве своем грузовых, реже легковых. Смены заставы проверяли их, досматривая груз, шоферов, сами машины. Иногда какой-нибудь «ЗИЛ» загоняли на площадку особого досмотра, а его водителя дежурный прапорщик уводил в каменное, накрытое камуфлированной сетью, обложенное мешками с мелким гравием здание казармы, где находилась и канцелярия начальника заставы, что сразу создавало пробку у шлагбаума. Но, как ни странно, это обстоятельство не вызывало среди других водителей недовольного ропота. Видимо, они прекрасно понимали – служба есть служба! И задержание подозрительной техники, как правило, долго не длилось. Прапорщик выводил из казармы шофера, и тот быстро, насколько позволяла дорога каменными блоками, искусственно превращенная в серпантин, уезжал от поста.

Так происходило ежедневно, с 8 утра, когда КПП открывался, и до 18.00, когда пограничники на ночь опускали шлагбаум, а караул в четыре сдвоенных трехсменных поста приступал к исполнению своих обязанностей на подходах к заставе.

Иногда в поле зрения спецов «Виртуса» попадал майор Соколов Виталий Дмитриевич, начальник заставы, численность которой составляла шестьдесят два человека солдат, сержантов и прапорщиков. Но выходил он ненадолго, ограничиваясь обходом территории зоны ответственности его подразделения, короткой беседой с начальниками смен, контролем проверки выбранной им машины, после чего возвращался в казарму.

Однажды за время наблюдения спецназом за пограничным постом майор Соколов на «УАЗ-469» с водителем, прапорщиком-таджиком, неким Абдуламоном Селдымурадовым, после закрытия поста отправился по дороге в сторону поселка Ургаб, который находился в тридцати километрах от границы на территории Таджикистана. Об этом полковнику Полуянову, имевшему данные по всему личному составу Караульского погранотряда, привлекаемого к несению службы на перевале, сообщили с собственных постов наблюдения отряда «Бадахшан», откуда следили за перемещением всей техники заставы. Следили с помощью радиомаяков большого радиуса действия и длительного времени постоянной работы, выстрелами бесшумных снайперских винтовок вбитых в скаты автомобилей стационарного поста, включая три «ГАЗ-66», четыре бронетранспортера БТР-70, прикрывающих заставу, и командирский «УАЗ». Что конкретно делал в Ургабе майор российской Пограничной службы, было неизвестно. Но возвратился Соколов рано утром слегка пьяным.

Может, прапорщик-водитель, который жил в поселке, возил начальника к себе в гости расслабиться? И в этом ничего особенного не было. Полуянов, да и все бойцы спецназа поняли бы майора. От однообразия службы, постоянной жары, нехватки кислорода, воды, которую на пост доставляли специальным транспортом, да еще и отсутствия женщин вполне реально

можно было сойти с ума. Бойцов заставы, как и прапорщиков, по данным, имеющимся у полковника спецслужбы, поочередно, через каждые две недели меняли, майор же со своим водителем-прапорщиком оставался постоянно. И так, по последней информации «Виртуса», длилось уже полгода. И все было бы нормально, застава несла службу как положено, ну а постоянное присутствие на посту начальника заставы можно было бы объяснить тем, что его отправили на КПП в наказание за какой-нибудь проступок. Или же по просьбе самого офицера, из-за возможных сложных отношений в семье. Всему можно было найти объяснение и признать несение службы на сложном участке границы вполне удовлетворительным, если бы не одно весьма существенное «но», кардинально меняющее отношение и к майору, и к его начальству, и к постоянному присутствию на КПП высокогорного перевала начальника заставы со своим прапорщиком-таджиком Селдымурадовым! Дело в том, что время от времени в Киргизию через пост в машинах, «проверяемых» пограничниками, переправлялись крупные партии героина. Они доставлялись в город Ашал, откуда с перевалочной базы был налажен транзит наркотика в страны СНГ.

На пятые сутки в зоне действия отряда «Бадахшан» на пост прибыл новенький военный камуфлированный «УАЗ» последней модификации в сопровождении отделения пограничников, расположившихся в кузове отрядного «ГАЗ-66». Из командирской машины вышел подполковник, которого через сильную оптику тут же разглядел и узнал командир спецназа. Нет, полковник Полуянов лично не знал этого офицера, но ранее изученные дела командного состава Караульского погранотряда указали на то, что прибывший – сам начальник отряда подполковник Беляев Сергей Андреевич, которому подчинялись вторая застава и горный пост.

Полуянов передал через специальную связь приказ командиру группы «Р» начать дистанционное прослушивание диалога начальников отряда и заставы.

Майор Соколов попытался встретить начальника строго по уставу, докладом:

– Товарищ подполковник, подчиненный мне личный...

На что Беляев бросил:

– Отставить доклад, майор! Ну, здорово, что ли, Виталик?

– Здравия желаю, – ответил майор.

Начальник отряда предложил:

– Пройдем в тень? Печет сегодня с утра, что же к вечеру будет?

Майор согласился, и офицеры прошли в курилку, оборудованную недалеко от шлагбаума, закрытую от солнца все той же камуфлированной сетью.

Подполковник спросил:

– Как наши дела, начальник заставы?

– Нормально! Надоело только все до чертиков!

Беляев повысил голос, в котором зазвучали нотки недовольства и раздражения:

– Что тебе, Виталий, надоело? Баксы лопатой грести надоело? В отличие от начальников других застав, сидящих в горах за копейки оклада? У тебя и кроме доходов привилегированное положение, даже жена, можно сказать, под боком!

Услышав о жене Соколова, Полуянов удивился. За пять суток тщательного наблюдения за постом на заставе женщины замечено не было, не могла же она все время находиться в казарме.

Ситуацию разъяснил сам майор, ответив начальнику:

– Да, рядом, под боком... словно заложница содержится в Ургабе, под надзором самого Мансура!

– Брось, Виталик! Ты же знаешь, что это не так! Ну, какая из Надежды заложница?

– А кто же? Вы и держите ее здесь, чтобы полностью управлять мной!

Беляев вновь повысил голос:

– В чем дело, майор? Ты чем-то изволишь быть недоволен? А тебе не кажется, что о своей судьбе тебе раньше надо было думать? Перед тем, как впервые пропустить через перевал машину с наркотой!

– Мне нужны были деньги на операцию матери!

Подполковник рассмеялся:

– А когда пропускал вторую машину, а затем и третью, четвертую, то на эти деньги кого оперировал?

Соколов, опустив голову, молча закурил.

Но Беляев был настойчив:

– Ты не ответил на вопрос, майор! Почему и дальше стал пропускать наркоту, получая за это неплохие деньги, пока я не поймал тебя? Не в самих ли деньгах дело, Виталик? В них, родимых, и только в них! А что? Где еще так просто можно заработать целое состояние, как не здесь, на этом самом посту? Освободил от досмотра нужную тачку, считай, три штуки «зеленых» в карман положил. А если ты в месяц так раз пять сделаешь? Это сколько навару выходит? Пятнадцать тысяч долларов? Квартира в России или средняя новая иномарка! И это, повторюсь, за месяц и при минимальном аппетите. Об одном ты не подумал, когда начинал свой бизнес. О том, что не только ты такой шустрый. А остальные, в том числе и я, простачки, лохи безмозглые. Вот и попал на крючок, дружок! Ты мне по гроб жизни благодарен должен быть! Ведь мне достаточно было взять тебя с поличным на подставе и... но ладно, не будем об этом. Только не забывай, благодаря кому для тебя никакой трагедии не произошло! Как ты снимал с наркоперевозчиков бабки, так и снимаешь. Но уже организованно, по наводке и под прикрытием! Правда, львиную долю теперь отдавать приходится, но то, что остается тебе, значительно превышает те суммы, что ты сбивал ранее в одиночку! И бог нам всем велел делиться, а то так и подавиться можно! Так что ты свои эмоции попридержи, а лучше отбрось совсем. Устал? Понимаю! И скажу, что мне здесь, на отряде, сидеть осталось месяц-два, получу полковника – и в столицу, на должность генеральскую. Тогда и ты можешь, по выбору, либо продолжать обдирать местных аборигенов, чего я тебе не советую, либо валить из войск. На гражданке с тем чулком баксов, который ты здесь набил, со своей Надей нигде не пропадешь! Но хватит о постороннем. По моим данным, ты за неделю должен был сбить семьдесят штук, я не ошибаюсь в арифметике?

Майор покачал головой:

– Не ошибаетесь.

– Сбил?

– Сбил.

– Тогда иди к себе, упакуй пятьдесят штук и принеси сюда, в курилку. А я пока посмотрю отсюда, как подчиненные мне стражи границы работают.

Подполковник повернулся в сторону шлагбаума, где под наблюдением высокого для них начальника пограничники начали проявлять особое рвение в досмотре машин.

Майор же вошел в казарму, в своей комнате из тайника в стене достал деньги, отсчитал пятьдесят тысяч, завернул их в плотную бумагу и уложил на дно подготовленного пакета, который до краев заполнил абрикосами. С ним вышел, в курилке передал фрукты начальнику, проговорил:

– Баксы на дне пакета.

– Отлично! Работай, Виталик! О плохом не думай. Вот увидишь, вспомнишь еще меня, когда будешь с женой, а даст бог, и с детишками, сидеть возле уютного камина собственного особняка. Обеспеченный всем. И спасибо огромное мне скажешь, в чем я, впрочем, не нуждаюсь.

Беляев, по примеру подчиненного закулив, сказал:

– А теперь слушай, Соколов, внимательно. Послезавтра, в среду, пятого августа, пропустишь через пост колонну «КамАЗов» без досмотра. У них будут пропуска нашего погранотряда. Их с путевой документацией изымаешь и отдашь Селдымурадову, тот уничтожит бумаги, тебе это сделать будет несподручно! У старшего переднего грузовика, его узнаешь легко по хромоте, возьмешь сто штук «зеленых». Но так, чтобы со стороны никто из личного состава ничего не видел и не слышал. В принципе ты знаешь, как это делается! Шестого августа, в четверг, я вновь навещу тебя. Твоя с Абдулой доля – тридцать тысяч, поделишь по обычной схеме. Пользуйся моей добротой. До этого к бабе своей не суйся, потерпи. Сделаешь дело, тогда и гульнешь. Затем с неделю наркоты на трассе не будет, ну, если только какой одиночка решится на контрабанду. Такого задерживай по всем правилам!

Под Абдулой, как понял Полуянов, оборотень в погонах подполковника подразумевал прапорщика-таджика Абдуламона Селдымурадова.

Беляев встал:

– Ну, пока, майор! Неси тут службу бдительно, границу все же охраняешь, не полосу препятствий в учебном центре. Личному составу передашь на построении, что выполнением ими своих должностных обязанностей я остался доволен, а вот содержанием территории нет! Поставь задачу навести везде идеальный порядок, особенное внимание на личный внешний вид. И объяви, что в четверг я приеду с более тщательной проверкой заставы. А за абрикосы спасибо, жена обожает их. Проводи меня!

Начальник заставы дошел с подполковником до «УАЗа», там они и попрощались.

Машина подполковника и «ГАЗ-66» развернулись, взяв курс до развилки дорог, в сторону поселка Сары, где на территории Киргизии размещались штаб и одна из застав Караульского погранотряда.

Майор, проводив взглядом конвой Беляева, неожиданно зло сплюнул в пыль и тихо, но так, что его все же услышал командир спецназа, произнес:

– Будь ты проклят, шакал облезлый!

И, согнувшись, словно нес мешок с песком, направился к своему каменному каземату.

Полуянов приказал связистам обеспечить ему спутниковую связь с Москвой.

Отделение «Р» быстро, на небольшом плато, развернуло «зонт» антенны, сориентировало его, доложив командиру отряда о готовности ведения сеанса.

Полуянов запросил:

– Центр, я – «Бадахшан»! Прошу ответить!

И тут же полковник услышал знакомый, немного искаженный голос заместителя директора Службы «Виртус» генерал-лейтенанта Феликса Борисова:

– Центр на связи!

– Докладываю, только что состоялся контакт начальника Караульского погранотряда подполковника Беляева с майором Соколовым. Разговор записан, передать его?

– Давай послушаем, о чем беседовали наши «славные» пограничники!

После того как Борисов прослушал беседу, он проговорил:

– Следовательно, Вадим, информация по горному посту подтвердилась?

– Так точно!

– Тогда вот что, отправь-ка ты, Вадим, в Сары человек пять. Там с гор, судя по карте, они смогут контролировать Беляева, по крайней мере его переговоры по рации. Да трех бойцов в Ургаб с задачей обнаружения дома Мансура и установления контроля над ним! Это тоже будет сделать несложно, не рисуясь в самом поселке. По приезде Соколова к жене его «УАЗ» сам выведет на гнездо этого наркоторговца. А майора бери за жабры по ранее отработанной схеме. Посмотрим, как он поведет себя, узнав, что его преступная деятельность раскрыта и он находится под нашим контролем. Но не думаю, что будет взбрыкивать. Он мужик неглупый, должен понять, что к чему.

Полуянов заметил:

– После проводов начальника майор повел себя довольно странно!

– В смысле?

Полковник передал, что сделал и произнес Соколов вслед своему командиру.

– Вот, – сказал Борисов, – это говорит о многом, Вадим!

– У меня вопрос.

– Давай.

– Частота пограничников и их позывные не изменились с начала нашей операции?

– Нет! Они продолжают работать на частоте... с позывными «Перевал» и «Бастиян», это между постом и штабом отряда.

– Понял, Центр, продолжаю работу.

– Аккуратнее там, Вадим! Этот майор нам нужен в качестве союзника. Он может значительно облегчить действия по всей операции «Цунами». Ты должен это крепко усвоить!

Полуянов ответил:

– Я все прекрасно понимаю, Феликс. Мне кажется, особой симпатии эти оборотни друг к другу не испытывают!

– Вот и воспользуйся этим! О результатах акции по вербовке майора немедленно сообще мне! В любое время дня и ночи. Оперативный дежурный штаба уже получил на это мой строжайший приказ! Так что нас соединят в считанные минуты. Все, удачи тебе, «Бадахшан», и до связи!

– До связи, Центр!

Москва отключилась. Связисты убрали свои причиндалы, Полуянов вызвал к себе командира отделения «Р» капитана Горского.

Тот явился тут же:

– Товарищ полковник, капитан...

Командир отряда спецназа махнул рукой, прервав доклад:

– Отставить официальность, Юра, устраивайся рядом, в моем лежбище.

Капитан-связист опустился в замаскированную естественную неглубокую расщелину, скрытую от обзора снизу огромным валуном.

– Погоди немного, Юра, сейчас решу один вопрос, и займемся с тобой.

Полковник связался с командиром группы специальной разведки майором Буйко:

– Гена, окрестности на предмет постороннего, кроме нас, слежения обследованы?

– Так точно, товарищ полковник! Близлежащие участки гор в этом плане чисты.

Полуянов, удовлетворенный ответом подчиненного, поблагодарил его и переключился на находящегося рядом связиста:

– Как нам, Юра, сегодня, скажем, часов в восемь вечера, выйти на частоту погранцов и вызвать на связь начальника расположенной внизу заставы?

Капитан ответил:

– Без проблем, если известна частота их переговоров!

– Их частота...

– Порядок! Вы сами будете с ним разговаривать?

– Да! Но мне, Юра, надо, чтобы наш сеанс был двухсторонним, чтобы никто, кроме нас двоих, даже случайно не мог зафиксировать его.

– Понял, товарищ полковник! Накроем в названное время пост блокадой радиопомех, оставив лишь коридор по оси пост – ваше местонахождение!

Полковник спросил:

– А такое возможно?

– Для нас возможно!

Полуянов сказал:

- Отлично! Так и сделай.
- Значит, ровно на 20.00? И какова предполагаемая продолжительность сеанса?
- Минут двадцать. Но, если мне потребуется времени больше, значит, на больший срок!
- Понял! Разрешите идти?
- Валяй, связь, работай!

Капитан выбрался из расщелины полковника, пробрался к своим подчиненным, приказал:

- Готовьтесь, ребята, к 20.00 установить рваную блокаду поста пограничников!

Его спросили:

- Направление свободного коридора?

Горский ответил:

– Его определяю я сам! При установке «колпака» используйте генераторы круговых помех, защищенных от пробивания их «Иглой». Это перестраховка, но она не будет лишней. Оснащенности специальным оборудованием пограничников мы не знаем, посему и будем действовать наверняка. Вопросы ко мне?

Вопросов не последовало.

Связисты принялись за выполнение поставленной задачи.

А между тем боевые группы отряда «Бадахшан», укрепившись среди камней по обеим от заставы вершинам перевала, стойко перенося неудобства своего нынешнего положения, отдыхая по индивидуальному графику, находясь в боевой готовности «Полная», ждали приказа на боевое применение. Ждали, не имея ни малейшего понятия, когда он поступит. Через час или месяц! Они были готовы к длительному ожиданию как физически, так и психологически. И ничего, что подходили к концу пятые сутки их вынужденного безделья. Раз отряд здесь, значит, будет и работа, а когда, не столь важно! Бывало и хуже, когда им полторы недели пришлось ждать наркокараван, закопавшись по брови в горячие пески Каракумов. И ничего, выдержали пекло и караван взяли. И никто не дрогнул, не пожаловался! Этого просто не могло быть, ибо это был СПЕЦНАЗ самой, пожалуй, элитной, мощной и высокопрофессионально подготовленной спецслужбы страны!

* * *

В 19.30, после ужина, начальник заставы майор Соколов в своем жилом отсеке, находившемся в торце казармы и отделенном от нее толстой перегородкой, обтерся мокрым полотенцем, раздевшись до трусов, лег на походную солдатскую кровать. Под хоть и теплые, но все же освежающие потоки воздуха, нагнетаемые напольным вентилятором.

Сейчас было жарко, через два часа все изменится, и спать придется не то чтобы под вентилятором, а в спортивном костюме и под жестким одеялом.

Погода в горах менялась быстро. И не только погода. Между днем и ночью, жарой и холодом, спокойной тишиной и яростной грозой промежутков практически не существовало. Изменения наступали мгновенно. Как и с его, майора пограничных войск, судьбой, внезапно и необратимо! Что ждет его дальше, в этой засосавшей по горло трясине предательства? Как поздно он понял, что деньги – это еще далеко не счастье и обеспеченный покой! Что они имеют свойство и убивать. Медленно, мучительно, принося душевную боль, от которой некуда деться! И почему он не остановился после того, как первый раз закрыл глаза на «ЗИЛ», в обшивке сиденья перевозивший через границу героин? Тогда ему действительно нужны были деньги. И он не лгал! Они были нужны на оплату сложной операции матери. Майор их получил, продав свою честь, но сделал это ради жизни самого родного человека! В результате операции мать избавилась от недуга, медленно тянувшего ее в могилу. Почему же после этого он, майор Соколов, не остановился? Жажда легкой наживы, как утверждает подполковник Беляев, завладела

им? Но он не стремился получать огромные деньги! Почему же тогда брал их? Да потому, что, даже один раз продавшись наркоторговцам, он уже не имел возврата к прежней, неподкупной службе и жизни. Ну, а когда на крючок подцепил сам Беляев, то пытаться что-либо изменить вообще было бессмысленно и... опасно! Подполковник быстро заставил подчиненного работать на себя! Он и жену его, Соколова, обманом доставил в Ургаб, закрыв заложницей в каком-то жалком глиняном дувале, разрешая иногда нечастые встречи с супругой! Надя не могла понять своего Виталия, продавшегося наркоторговцам, и относилась к нему уже без прежней нежности. Она жалела его, но и осуждала, пусть без слов, только взглядом своих зеленых, как морская волна, глаз осуждала и, не исключено, в глубине души презирала. Так могли ли дать встречи с ней то, что было между ними раньше? Беляев говорил, что скоро все кончится, он отправится на повышение в столицу, наверняка купленное, оставив его в покое. Да, подполковник вполне может уехать в Москву, но вот оставит ли он после себя свидетелей своей деятельности здесь? Черта с два! Эта рвущаяся наверх мразь безжалостно уничтожит всех причастных к его делам в отряде. И Соколова с женой, и своего стукача Селдимурадова, и самого Мансура, его главного поставщика наркоты! Беляев зачистит все следы своей преступной деятельности, это очевидно. В Москве он должен чувствовать себя спокойно. Только вот дождется ли начальник погранотряда повышения? Это еще очень большой вопрос. И вопрос, решаемый не кадрами службы, а случаем, простым несчастным случаем, который в горах может произойти с кем угодно и когда угодно. Уничтожить себя и Надю Соколов не даст! У майора еще есть время обдумать способ, как и когда отправить начальника к праотцам! И он его отправит на небеса, даже ценой собственной жизни. Пусть за него Надя живет, а он...

Из состояния мрачного и злобного размышления майора вывел неожиданный сигнал вызова по его рации.

Черт! Кому еще он сейчас понадобился? Не иначе как опять Беляеву, с его новой вводной! Как же он надоед Соколову, кто бы знал!

Но ответил обычно:

– «Перевал» на связи!

Вопрос, который прозвучал следом, заставил майора встать с кровати. Так обращаться к нему по связи не должен был никто. Однако незнакомый голос спросил:

– «Перевал», как я понял, это начальник второй заставы Караульского погранотряда майор Соколов?

– В чем дело? Кто вы?

Ответ был так же спокоен, как и ранее заданный вопрос:

– Не волнуйтесь, Виталий Дмитриевич, наш с вами разговор не слышит никто, даже подполковник Беляев. Но это по связи, а кто-нибудь посторонний у вас в казарме может прослушивать вас?

Но майор задал прежний вопрос:

– Кто вы, черт вас побери?

– Я полковник Федеральной службы по борьбе с наркомафией, чей отряд полностью контролирует вашу заставу и очень внимательно наблюдает за тем, что происходит на КПП. В том числе мы и не без интереса прослушали и вашу последнюю беседу с Беляевым, сделав для себя соответствующие выводы. Теперь я повторю свой вопрос: кто-нибудь посторонний в казарме может слушать наш разговор?

Информация, полученная начальником заставы, ввела Соколова в состояние шока. Но он сравнительно быстро сумел взять себя в руки, ответив ставшим вдруг хриплым голосом:

– Нет! В казарме нас никто не может услышать, но...

– Что «но», господин Соколов? Плотно зацепил вас подполковник Беляев?

Майор растерянно молчал.

Голос же неизвестного мужчины, представившегося полковником спецслужбы, продолжал:

– Плотно, что ни говори! И грамотно! Даже вариант шантажа супругой предусмотрел. Но не об этом сейчас речь, хотя к этой теме мы еще вернемся. Сейчас мы должны констатировать очевидный факт твоего предательства и отметить, что в произошедшей трагедии, назovem случай с тобой так, львиная доля вины лежит на непосредственном начальнике! Надеюсь, ты понимаешь, ЧТО ожидает тебя в будущем? Уж точно не уютный, успокаивающий камин собственного дома. Скорее пуля для тебя и для твоей супруги. Как и для всех тех, кто имел несчастье связаться с Беляевым. Но для тебя еще не все потеряно, майор! И это не разговор в эфире, который я по ряду обстоятельств вынужден скоро прервать. Так что о главном. Предлагаю личную, но скрытую встречу, где мы, уверен, смогли бы найти общий язык по волнующей как тебя, так и меня теме!

Соколов, полностью овладевший собой, спросил:

– И как вы представляете эту встречу? Как один из способов без лишнего шума арестовать меня?

Незнакомец заверил:

– Арестовать тебя, дружок, как и твоего начальника-подельника, я могу в считанные минуты, обезвредив, разоружив и заставу, и отряд! Не забывай, что имеешь дело со спецназом! А вот то, о чем я хочу поговорить с тобой, ты узнаешь, если завтра один, без водителя и сопровождения, на своем «УАЗе», объяснив подчиненным, что решил просто прокатиться на машине, прибудешь на участок переправы через ручей у роши на пути в отряд. Я буду ждать тебя там. Если поведешь себя с умом, то не только жизнь себе и жене спасешь, но и получишь возможность выбраться из того дерьма, в которое по собственной глупости залез. Это я тебе гарантирую. Все! Время эфира подошло к концу, жду завтра у переправы ровно в 10.00 местного времени. До встречи, майор, и не вздумай сотворить очередную глупость, тогда за твою жизнь я и копейки не дам. Конец связи, «Перевал»!

– Конец связи, – автоматически ответил Соколов, отключая рацию.

«Вот и все, – подумал он, – сколько веревочке ни виться...»

Что делать? Неизвестный полковник, говоря о том, что пост блокирован и находится под контролем, явно не блефовал. Иначе он не говорил бы так уверенно и не оперировал бы фразами, которыми обменивались при встрече он, Соколов, с Беляевым. А это означает одно. На их преступный след вышли «профи»! И это крах, провал, конец. Доигрался ты, Виталик, доигрался! Но, с другой стороны, зачем выходил на связь этот полковник, если спецназ, зная о транзите наркоты пятого числа, мог спокойно и тихо взять его, Соколова, с поличным? Не допуская того, чтобы о провале узнал Беляев, которого так же тихо и так же с поличным могли взять «спецы» шестого числа при передаче подполковнику денег. Значит, заинтересована в нем спецслужба? Если бы так...

Майор закурил, глубоко задумавшись.

А подумать ему было о чем! И подумать крепко, чтобы не упустить, возможно, тот единственный шанс не только уйти от смерти, но и хоть частично реабилитировать себя!

* * *

На следующий день в 9.20 майор Соколов вызвал к себе прапорщика Селдымурадова.

Тот зашел в канцелярию заставы, ведя себя фамильярно, без намека на какую-либо субординацию спросил:

– Куда-нибудь едем, начальник?

Соколов ответил достаточно грубо:

– Кто-то поедет, а кто-то встанет у шлагбаума!

Прапорщик удивленно взглянул на майора:

– Не понял?!

– А тут и понимать нечего! «УАЗ» исправен?

– Как часы!

– Вот и хорошо! Прокачусь-ка я до ручья по дороге в отряд, а ты возглавь в мое отсутствие службу на посту. Ждать нам сегодня нечего, так что можешь оторваться на шоферах, показать нашему молодняку, как надо службу бдить, заодно выделишь людей и на уборку территории и проследишь за ней. А я покатаюсь, а то забуду, с какой стороны к автомобилю подходить!

Прапорщик подозрительно посмотрел на майора.

Такого за истекшие полгода еще не было. Соколов не только не пытался сесть за руль, но интересовался машиной лишь в плане ее технической исправности, а сейчас?

Этот взгляд уловил майор, вынужденно, но вполне естественно улыбнулся, спросил:

– Ну что ты так смотришь на меня, Абдуламон? Удивлен?

– Если честно, то да, удивлен вашим желанием.

– Тем не менее. Подготовь машину и подай ее к казарме, сам же займись тем, о чем я тебе сказал. Учти, ты остаешься за меня, значит, с заставы ни ногой. Хотя я долго не задержусь. Да, вот тебе пять кусков «зеленых».

Соколов передал прапорщику тугую пачку долларов, добавив:

– А завтра нас ждет более прибыльная работа. Ну, все, иди! Минут через десять я выйду. Хоп?

Селдымурадову ничего не оставалось, как ответить:

– Хоп, начальник!

После получения денег и известия о скорой перспективе еще сорвать сумасшедшую для Таджикистана сумму баксов прапорщик немного успокоился. В принципе, что здесь такого, что начальник заставы решил сам за рулем прокатиться по горной дороге? Тем более подполковник Беляев, поручивший Абдуламону следить за своим командиром, и словом не обмолвился о том, чтобы держать того постоянно в поле зрения. Во время прохождения наркоты надзор был оговорен, в остальных же случаях начальник заставы был свободен в своих действиях. Да и куда может уехать майор? До штаба отряда, не дальше! По трассе не поедет, опасно. А до развилки или переправы через ручей пусть едет. Все одно запретить Соколову что-либо прапорщик не мог. Только доложить Беляеву обо всем подозрительном в отношении своего командира.

Следует ли сейчас сообщать о желании майора покататься на машине? А что это даст? Ну, вздрючит подполковник Соколова, а это сразу же отразится на отношении к Абдуламону майора. Тот возьмет и снизит долю прапорщику. В их финансовые дела подполковник, насколько знал Селдымурадов, не вникал, отдавая право делить общую сумму по усмотрению Соколова.

Поэтому, быстро просчитав ситуацию, прапорщик развернулся, чтобы выйти из канцелярии, но его неожиданно остановил начальник заставы:

– Абдула?

– Да, начальник?

– Ты, наверное, сейчас после Мансура самый богатый человек в Ургабе?

Таджик довольно скривил щербатую физиономию в надменной улыбке:

– Может, и так, с помощью Аллаха, вас и подполковника! Но и вы, майор, как мне думается, тоже не самый бедный офицер во всей Российской армии?

– И это верно! За оклад здесь только последний дурак будет штаны протирать да врагов наживать. Ну, ладно, иди, Абдуламон.

В 9.45 Соколов на «УАЗе» покинул территорию заставы и по пустынной еще с утра со стороны Киргизии дороге проехал до развилки, свернул с трассы влево, повел автомобиль в сторону поселка Сары, по пути к которому и находилась переправа у роши.

Доехав до указанного командиром спецназа места, остановился, не въезжая в воды брода. Вышел из салона, приведя свой штатный «АКС-74» к бою. Осмотрелся. Никого ни рядом, ни в ближайшем отдалении не было. Соколов посмотрел на часы: 9.52. Подошел к ручью, ополоснул ставшее вдруг горячим лицо.

И, только поднимаясь, услышал из близлежащих кустов, что росли на опушке небольшого лесного массива:

– Майор Соколов?

– Он самый! Что дальше?

– А дальше отсоедини магазин от автомата, затвором извлеки патрон из патронника и поставь волюну на предохранитель. Магазин держать от ствола отдельно! Выполняй!

Майор, выполнив приказ, внимательно всмотрелся в кусты и рощу, но никого там не заметил. Зато он заметил другое, а именно короткий отблеск оптического прицела за валуном слева, метрах в ста от себя. Следовательно, он, Соколов, под прицелом. А что, собственно, в этом странного? И чего он хотел? Чтобы спецслужбы церемонились с предателем? Это еще майору повезло, что с ним затеяли диалог, а не взяли на посту, с последующим судом воинского трибунала.

Закинув «АКС-74» за спину, Соколов закурил, ожидая, что будет дальше. И тут же услышал близкий голос невидимого человека:

– Разговаривать будем в этом положении, неизвестно, не притащил ли ты за собой «хвост», – сказал Полуянов.

Именно он под прикрытием двух снайперов, занявших близкие позиции, пошел на контакт с майором погранвойск. Полковник продолжил:

– Не стой истуканом, прогуливайся вдоль ручья, не удаляясь далеко, чтобы мог и слушать меня, и отвечать на мои вопросы!

Соколов выполнил и этот приказ неизвестного «профи», стал медленно ходить по ручью, иногда срывая какие-то травы на берегу и поднося их к лицу. Со стороны все выглядело так, будто офицер наслаждается коротким мгновением редкого общения с природой.

Голос же из кустов спросил:

– Откуда к тебе на пост завтра должна прибыть колонна «КамАЗов»?

– Но... ах да, вы предупреждали, что слышали мой разговор с подполковником Беляевым. Ответить точно на ваш вопрос сейчас не могу. Я буду знать об этом завтра.

– Как и ее маршрут по Киргизии?

– Да. Но на этот вопрос можно ответить безошибочно и сейчас. С поста почти все машины идут на Ашал.

– Это предположение или утверждение?

– Предположение, но с очень большой долей вероятности. По крайней мере, машины, перевозящие героин, движутся именно туда, к Ашалу, где недалеко от поселка, в неизвестном мне ауле, оборудован крупный склад наркотиков, находящийся под контролем местного наркобарона, некоего Асланбека.

Вопрос из кустов:

– Откуда эта половинчатая информация?

– В каком смысле половинчатая?

– В таком, что наркобарона ты знаешь по имени, и что у него в подчинении крупный склад, знаешь тоже, а название самого аула тебе неизвестно. Как это понимать?

Майор, выбросив в воды быстрого ручья докуренный до фильтра окуроч, произнес:

– Ясно! Попытаюсь объясниться! Об Асланбеке как-то по пьянке заикнулся сам Беляев, но места его обитания не назвал, сказав лишь, что тот проживает в Ашале, но руководит какой-то базой в окрестностях поселка, где и содержит склад!

– А не могло это быть пьяным бредом твоего начальника?

Майор согласился:

– Может, и так, но я думаю, что Беляев говорил правду!

– Подполковник так неосторожен?

– Он был, извиняюсь, в сисью и нес все подряд, в том числе и то, о чем я упомянул.

Причем я на разговор его не вызывал. Уверен, что подполковник, совершенно не контролируя свои действия, не мог вести какую-то игру. Да и зачем ему это было нужно?

Человек в кустах задумался.

Майор спросил:

– Вы и есть тот полковник, что выходил со мной на связь вчера, или его представитель?

– Да, я и есть тот полковник, но помолчи пока, майор!

Соколов прошелся по берегу, немного постоял у самого брода, вернулся на прежнее место. Услышал голос из кустов:

– Хорошо! Будем считать, ты словами начальника сказал то, что соответствует действительности. Но это следует проверить и установить место конечного пути колонны. Завтра, когда подойдут «КамАЗы», выстрой их за шлагбаумом и попрдержки минут на пять. Это время у тебя будет хотя бы для того, чтобы изъять документацию, как и приказал начальник отряда, а также снять с каравана деньги. Кстати, ты не знаешь, каким образом ваши пропуска могли оказаться у водителей, ведущих машины из глубины «Каменного мешка»?

Соколов ответил:

– Не имею понятия, могу лишь предположить, что Беляев сам снабдил ими наркокараван. Как и где? Не знаю! О перемещениях подполковника по региону я не осведомлен.

Полуянов спросил:

– А как ты узнаешь, откуда вышла колонна?

– По путевым листам и накладным.

– Но они могут быть подделаны.

– Они и будут подделаны, но чтобы пройти через «мешок», они должны иметь отметки населенного пункта, откуда начали движение. Иначе можно попасть под проверку мобильных пограничных групп, неплохо контролирующих район. Представьте, вышли они, к примеру, из Ургаба, а отметка в путевке и накладной сделана где-нибудь в Самале, а тут погрангруппа! И все! Приехал наркотранзит! Поэтому перевозчики дури на поддельных документах ставят настоящие печати тех пунктов, которые проходят, следуя по маршруту. Это уже после прохождения пограничного поста они сменяют обличье и вместо старых документов используют новые, где будет указано, что машины киргизские и следуют по своей территории, к ним внимания меньше, чем к тем, кто идет из Таджикистана. До сих пор было так!

Немного подумав, полковник спросил:

– Ну, раз на документации до сего времени ставились отметки о начальном пункте движения машин с наркотой, то откуда в основном выходили те автомобили, которые ты пропускал ранее?

– Из разных мест, но подавляющее большинство начинало свой маршрут или из Калаума, или из Форога. Из Форога больше.

– Добро! Мне кажется, ты хотел бы задать и свой вопрос?

– Если можно, и не вопрос, а скорее просьбу!

– Слушаю тебя.

Майор произнес:

– О себе я не говорю, понимаю, что за совершенные преступления получу такой срок, что из тюрьмы уже не выйду, и я, поверьте, готов к этому. Прошу о жене. Вытащите ее из лап наркоторговцев! Она находится...

Полковник перебил Соколова:

– Я в курсе, где содержат Надежду. О ней не беспокойся! А о себе?.. Те деньги, которые ты впервые взял за пропуск наркоты, помогли твоей матери?

Офицер-пограничник никак не ожидал подобного вопроса, поэтому замялся перед тем, как ответить:

– Да... помогли! Без них, вернее, без дорогих импортных лекарств, что были куплены на эти деньги, она бы умерла! А так живет после операции, в полном неведении о том, какой ценой достались мне эти проклятые деньги! Но главное, что мама выздоровела. Вот только насколько ей хватит жизни, когда она узнает, что ее сын предатель и преступник?

Майор мрачно замолчал, закулив очередную сигарету, нервно и жадно втягивая в себя дым, уставившись взглядом в одну точку.

Следующий вопрос полковника был еще более неожиданным:

– Ты согласен сотрудничать с нами?

Соколов выбросил окурок, ответил не раздумывая:

– Чтобы как-то искупить вину, да! Причем не выставляя никаких условий смягчения своей участи при привлечении к суду военного трибунала.

– Ну, вот только громких слов не надо. Значит, будем считать, что наше обоюдовыгодное сотрудничество началось. Сейчас ты отправишься на свой пост, у развилки остановись. Справа увидишь большой камень. Под ним – пневматический пистолет. В магазине, что найдешь рядом, восемь патронов. Завтра по прибытии «КамАЗов» выбери момент, чтобы выстрелить из пистолета в протекторы любого колеса каждой машины. Затем ствол надежно спрячь, особенно от своего водителя Абдуламона. Этим мы проверим искренность твоего желания работать с нами. При необходимости я вызову тебя на связь, как и вчера, в 20.00, но смотри, чтобы и тут близко не было Селдимурадова!

Майор проговорил:

– Сделаю, как вы сказали. Но вы выходите на связь на частоте отряда! Не думаете, что наш разговор могут перехватить связисты Беляева?

Полковник ответил категорично:

– Это исключено! Ты обеспечишь безопасность связи в казарме, а остальное наша забота.

– Понял!

– Ну, а раз понял, возвращайся на пост, а то штатный стукач подполковника Абдуламон, наверное, уже места себе не находит, и не забудь о пневматике у развилки! До связи, майор. Все, иди к машине!

* * *

Вернувшись со встречи с майором-пограничником, Полуянов тут же запросил связь с Центром.

Ему ответил все тот же генерал-лейтенант Борисов:

– Центр на связи!

– Центр, я – «Бадахшан»!

– Слушаю тебя, Вадим.

– Встреча с Соколовым состоялась.

– Ее результаты?

– Майор согласился сотрудничать со Службой.

Генерал проговорил:

– Это изначально прогнозировалось. Куда майору деваться? Нагружай его работой, Вадим, но перед этим надежно прикрой супругу.

Полковник ответил:

– Сделаем!

И попросил:

– Мне бы отряд на плоскогорье отвести. Сам понимаешь, как изматывает людей неопределенное по времени вынужденное безделье, в крайне неудобных условиях преждевременного, как я имею все основания считать, нахождения на рубеже подготовки штурма.

Феликс согласился:

– Ничего не имею против твоего предложения. Оно обоснованно. Но наблюдение за постом держать!

– Об этом мог бы и не напоминать.

– Вот и хорошо. Работай, Вадим! До связи!

– До связи!

Глава 2

За месяц до описываемых событий. Ближнее Подмосковье, загородная резиденция Федеральной секретной службы по борьбе с наркомафией Х-4 «Виртус». Запасной штаб Службы

В кабинете директора «Виртуса» генерал-полковника Валентинова собрались его заместители генерал-лейтенант Борисов и генерал-майор Кауров, а также командиры специальных подразделений: «Легион-1» – полковник Злотов, «Легион-2» – подполковник Кудрин, «Кавказ» – полковник Железнов, и руководители вновь созданных отрядов спецназа «Бадахшан» и «Барс» соответственно полковник Полуянов и подполковник Рудаков.

Вел совещание, естественно, генерал-полковник Валентинов.

– Товарищи, я собрал вас здесь и в таком составе потому, что Служба получила приказ о проведении в августе месяце сего года крупномасштабной акции по нанесению наркомафии сокрушительного удара, что раньше, как всем прекрасно известно, практиковалось крайне редко. На этот раз нам придется действовать за пределами России. Кем отдан сей приказ, объяснять, думаю, не надо, все сами должны понимать! Кодовое название операции – «Цунами». Она подразумевает привлечение к акции наших крупных сил, одновременно нескольких автономных отрядов, командиры которых находятся здесь. Прошу внимание на экран!

Черные шторы, закрывающие огромных размеров телевизионный экран, закрепленный в боковой стене кабинета Валентинова, разошлись в сторону. На нем высветилась часть оперативной карты, показывающей обширный участок гор неприступного с виду Памира. Местность опытные, битые войной «профи» определили сразу и без подсказки генерала. Но директор Службы «Виртус» все же посчитал нелишним прокомментировать телевизионную заставку:

– Перед вами, товарищи офицеры, горный участок Памира, внутри которого просматривается территория, называемая «Каменным мешком». Район, находящийся под влиянием сил, неподконтрольных официальным властям Таджикистана. Район, через который проходит основная трасса в Киргизию Форог – Ашал, или тракт практически постоянного транзита больших партий героина и опия-сырца. Далее, из Киргизии, наркотик расползается множеством щупальцев-дорог мерзкого спрута по всей центральной части России.

Директор Службы указал на приграничный перевал, отмеченный на карте по трассе, проходящей через него, мелкими буквами «з-п-н», объяснив:

– Здесь, на этом месте з-п-н, что означает: застава – пост – наркотик, несет службу вторая застава Караульского пограничного отряда, главная задача которой досмотр транспорта, проходящего границу через контрольно-пропускной пункт. Именно через этот КПП и проходят крупные грузы наркоты! Этим постом займется отряд полковника Полуянова «Бадахшан». В зону ответственности спецназа входят также населенные пункты Ургаб в Таджикистане и Сары в Киргизии, где дислоцируется штаб Караульского погранотряда.

Полковник поднялся, коротко ответил:

– Есть!

Валентинов, предложив подчиненному сесть, продолжил свой монолог:

– По данным глубинной разведки «Виртуса», наркотик к перевалу подходит из района Форога. Скорее всего со скрытых складов в окрестностях названного населенного пункта, куда он стекается из пограничных аулов северного Афганистана, через реку Пяндж. Хранилища покойного Садыка, недавно организовавшего и проводшего в Чечне террористические акты и уничтоженного отрядом «Кавказ» во взаимодействии с воинским спецназом, мы ликвидировали. Но поставки смертоносного зелья из-за «речки» не прекращаются, так как заводы в Кайрабаде и Гайдуже соседнего Афганистана продолжают работу и, как следствие, появляются новые наркобароны и новые склады. И число их растет! Но одно в действиях наркоторговцев

играет нам на руку. Это то, что они начали объединяться под руководством некоего Вахтанга, наркодельца из Грузии, бывшего компаньона Садыка. И складировать наркотик в нескольких крупных точках, а не разбрасывать мелкими партиями по схронам аулов, что делается в целях сохранения единого управления в наркобизнесе и обеспечения безопасности хранения столь ценного товара. По этим хранилищам будут работать отряды «Легион-1» полковника Злотова в Киргизии, в районе Ашала, и «Легион-2» подполковника Кудрина в Таджикистане, в окрестностях Форога. А если понадобится, то и в России, для чего в оперативный резерв выводится отряд «Кавказ» полковника Железнова.

Валентинов сделал паузу, отпив из стакана с неизменным подстаканником несколько глотков остывшего крепкого, без сахара чая. После чего продолжил:

– Выйдя на цепь наркотранзита со всей ее инфраструктурой, мы должны подготовить и провести две практически одновременные акции в Афганистане и Таджикистане с Киргизией. Вот общий план наших предстоящих действий. Акция в Афганистане планируется и проводится отдельно и будет обсуждаться только с командирами подразделений, занятых непосредственной работой за «речкой». Вы уже догадались по присутствующим офицерам, кому придется идти в Афган, но прошу свои догадки оставить при себе, не обсуждая их, а приступить к специальной подготовке своих подчиненных для действий в условиях высокогорья. Персональную, уточненную до деталей задачу каждому из названных мной командиров отрядов поставит руководитель операции «Цунами» генерал-лейтенант Борисов. С ним и решайте вопросы подготовки и проведения своих автономных заданий. На этом совещание объявляю закрытым! Все, кроме генералов Борисова и Каурова, а также подполковника Рудакова, свободны!

Борисов поднялся, подал команду:

– Товарищи офицеры!

– Товарищи офицеры, – разрешил генерал-полковник Валентинов подчиненным покинуть помещение.

Офицеры вышли.

В кабинете остались Валентинов, Борисов, Кауров и Рудаков.

Директор Службы, встав, отворил форточку зарешеченного окна, разрешив подчиненным курить. Все воспользовались предоставленной возможностью.

Каждому был подан крепкий ароматный кофе. За исключением Валентинова, который пил только чай.

Закончив с сигаретами и тонизирующими напитками, директор обратился к Рудакову:

– Тебе, подполковник, и, естественно, подчиненному тебе отряду «Барс» в операции отводится исключительная роль. А именно уничтожение заводов по производству героина на территории Афганистана. Мы с Главкомом обсуждали эту проблему, он пришел к выводу, что настала пора покончить с наркотической экспансией против России, и одобрил наш план уничтожения основных источников производства и транзита в страну героина с физической ликвидацией лиц, занимающих в наркобизнесе юго-западного направления ключевые позиции. Места расположения заводов известны. Это небольшие, но сильно укрепленные опорные пункты, которые тебе, Рудаков, придется брать штурмом. Вся сложность в том, что эти предприятия удалены друг от друга почти на сто километров. Так что «Барс» придется делить на две сводные группы, оставив под единым, а именно твоим, Борис, руководством на месте боевого применения. Мы обеспечим скрытный проход через Пяндж, предположительно в зоне ответственности Соколовского пограничного отряда, и далее в глубь сопредельной территории. В Афгане неплохо закрепились наши агенты стратегического внедрения в период оказания помощи Масуду и Дустуму в их противостоянии талибам. Проводники у отряда будут. Они же снабдят вас всей необходимой информацией, которой на данный момент мы не владеем. Но этим их помощь ограничивается.

Подполковник использовал короткую паузу, которую сделал генерал-полковник, спросив:

– А не проще было бы нанести по заводам, раз известны места их расположения, несколько точечных ракетных или воздушных ударов?

Валентинов ответил:

– Проще, Боря, намного проще и эффективней, чем наземная операция ограниченными силами. И я поднимал этот вопрос при встрече с Главкомом. Но, понимаешь, такое, без сомнения, разумное с военной точки зрения решение в настоящее время нежелательно для той политики, которую проводит Россия на Востоке. Однако он не отмел озвученный тобой вариант и выказал готовность вернуться к его рассмотрению, если Служба окажется не в состоянии своими силами провести акцию или ее проведение грозит нам потерями в живой силе. Так что, в принципе, если вы, тщательно проанализировав обстановку, придете к выводу, что акция в Афганистане не может быть гарантированно выполнена без реальной угрозы гибели отряда, я возобновлю разговор с Главкомом. Жертвовать своими подчиненными в угоду политикам я не намерен. Но пока изучайте обстановку, разрабатывайте варианты действий, готовьте либо проект приказа на боевое применение, либо обоснованный отказ от проведения наземной операции. Мой доклад Самому должен быть убедительно мотивированным.

Директор Службы повернулся к Борисову:

– Пока Каракурт с Рудаковым начнут изучение обстановки, ты, Феликс, поставь конкретные задачи командирам отрядов, привлекаемых к акции в бывших союзных республиках. Ее-то мы должны провести без проблем! На подготовку ребят – месяц. К началу августа все подразделения должны находиться в местах предполагаемого применения. Потом присоединишься к Каурову с Рудаковым.

Борисов поднялся:

– Я все понял, Валентин!

– Вот и хорошо! Ну что, мужики, какие ко мне будут вопросы в части, касающейся полученной задачи?

Рудаков спросил:

– «Барс» сразу от границы будет выходить по разным маршрутам к своим целям?

– Да!

Больше вопросов к директору Службы не было.

Кауров и Рудаков покинули кабинет Валентинова, а затем и загородную резиденцию, направившись на секретный полигон «Виртуса», где по распорядку дня занимались отряды, не задействованные в боевых выходах, и где своего командира в полном составе ожидал личный состав «Барса».

* * *

Контрольно-пропускной пост первой заставы Караульского пограничного отряда. Горный перевал. 5 августа. 11.28

Майор Соколов находился в своей канцелярии, когда прибежавший посыльный доложил:

– Товарищ майор, вас прапорщик Селдымурадов просит выйти на пост.

– Что-то случилось?

– Колонна «КамАЗов» с пропусками нашего отряда подошла со стороны Ургаба.

– Сколько машин в колонне?

Точно ответить посыльный не смог:

– Пять или шесть, где-то так!

– Хорошо, я сейчас выйду, а ты передай прапорщику, чтобы пропустил колонну, выстроив ее на площадке особого досмотра.

– Есть!

Посыльный убежал обратно на пост.

Взяв с собой небольшой, уместающийся в кармане камуфляжа, заряженный пневматический пистолет, майор вышел из казармы.

Пять бортовых «КамАЗов» с пропусками Караульского отряда на лобовых стеклах к этому времени выстроились в ряд на площадке особого досмотра.

Навстречу начальнику заставы заспешил невысокий хромой таджик:

– Ассолом аллейкюм, башлык! Я – Анвар, старший этой, – он указал на грузовики, – колонны с сахаром, едем в Россию торговать. Вот и пропуска ваши в Сарах заранее получили!

Он вновь указал на фургоны.

– Вижу, – сухо произнес майор, – пропуска снять и вместе со всей путевой документацией передать мне!

– Яхши, начальник, минуту, и все будет сделано.

Хромой Анвар крикнул что-то по-таджикски водителям грузовиков, которые, открыв дверцы и опустив ноги на подножки кабин, внимательно следили за происходящим на посту. Рядом с ними находились сменные водители, державшие на коленях, и это было видно, автоматы «АКС-74» с заряженными подствольными гранатометами.

Приняв документы, передав их тут же Селдимурадову, Соколов приказал:

– Построй-ка, Анвар, мне свой водительский состав, естественно, без оружия, которое вы так неосторожно демонстрируете на боевом пограничном пункте.

Таджик удивился:

– Что-то не так, начальник? Мне Беляев...

Майор перебил его:

– Выполняй, таджик, что тебе говорят! Мы с прапорщиком должны осмотреть колонну.

– Но пропуска...

– До чего же ты непонятливый, Анвар. За нами следят десятки глаз моих подчиненных и столько же водителей других машин, хотя бы для них мы обязаны имитировать досмотр! Неужели тебе это не ясно?

Анвар ударил себя рукой по лбу:

– Ай! Все понял, а сначала подумал...

Но Соколов и здесь не дал таджику продолжить речь, спросив:

– Деньги при тебе?

– В поясе, под халатом.

– Хорошо, выполняй приказ!

Старший колонны подал резкую команду, и водители, оставив оружие в кабинах, послушно и быстро, что указывало на их специальную подготовку, построились напротив казармы, строго по ранжиру, по росту.

Соколов обратился к Анвару:

– После досмотра будь готов проследовать за мной в казарму.

– Хоп, босс, как скажешь.

Майор приказал прапорщику:

– Абдуламон, обойди колонну слева, я сделаю то же самое справа, кабины мои, топливные баки твои. Тенты поднимать с тыла. Это тоже на тебе! Анвар, следуй за прапорщиком и надень на морду лица недовольную мину.

И вновь хромой таджик выразил крайнее удивление:

– Чего надеть? Какую мину? У нас нет мин! Автоматы да...

Соколов только махнул рукой.

Майор зашел с правой стороны колонны, скрытый от посторонних глаз фургонами, достал пневматический пистолет. Обходя машины, он бесшумно стрелял в средние колеса

трехосных машин, не подозревая о том, что сверху, с гор, снайпером Полуянова уже были помечены маяками все «КамАЗы».

Но начальник заставы выполнял приказ, одновременно с установкой своих радиомаяков заглядывая в кабины, из которых еще не выветрился густой запах анаши. Обратив ранее внимание на вооружение, он, обходя машины, оставлял дверцы кабин открытыми, чтобы наблюдатели спецназа могли засечь арсенал проходящей через пост под контролем и прикрытием начальника пограничного отряда автомобильной колонны.

И наблюдатели отметили данный факт. Они отметили и еще кое-что, используя свою специальную рентгеновскую технику, о чем майор не имел ни малейшего понятия. Но это Соколова не касалось, а свою задачу он выполнил, продублировав действия снайпера спецназа.

После досмотра «КамАЗов» майор провел Анвара в свою канцелярию, где хромым таджик, сняв пояс, передал его Соколову. Тот тщательно пересчитал деньги и, убедившись в том, что старший наркотранзита отдал нужную сумму, отпустил его.

Как только колонна вышла с поста, взяв курс на Ашал, к полковнику Полуянову прибыл командир группы специальной разведки майор Буйко.

Вопрос командира «Бадахшана» был краток:

– Ну, что?

– Просветили мы конвой. Интересное обстоятельство обнаружилось.

– Да? Продолжай.

– Только в четырех первых «КамАЗах» героин, по десять двадцатикилограммовых мешков, обложенных сахаром, кузов же последнего, пятого грузовика разделен на две части. В нем наркоты нет, но есть люди! В заднем отсеке сахар, в переднем десять человек. Среди них две женщины.

Полуянов спросил:

– Вот как? Вооружены все?

Майор отрицательно покачал головой:

– В том-то и дело, что нет! Вооружены только двое. И расположены люди так: эти двое с автоматами у мешков, восемь же человек собраны в кучу у кабины, они скреплены между собой цепью.

Полуянов выругался:

– Скоты! Вместе с наркотой и рабов перевозят! Заложники эти люди. Случись столкновение с мобильной пограничной группой или войсковым подразделением, бандиты тут же и прикроются невольниками. Твари, мало им героина, так еще и рабов держат! И сука Беляев, оборотень хренов, прикрывает их. Ладно, информацию принял, пойдешь к себе, вызови сюда связиста Горского.

– Есть, товарищ полковник!

Командир отделения «Р» прибыл через считанные минуты.

– Вызывали, командир?

– Мне нужна срочная связь с Центром!

– Как срочно?

Разозленный Полуянов вспылil:

– Капитан, мы и дальше будем продолжать дискуссию или вы все же приступите к исполнению приказа? Я сказал, мне нужна срочная связь с Москвой! Ну, какие, к черту, еще могут быть уточняющие вопросы?

– Все понял, товарищ полковник, виноват!

Спустя пять минут Москва ответила:

– Я – Центр, слушаю тебя, «Бадахшан»!

Полковник доложил:

– Колонну в пять «КамАЗов», предположительно с восемьюстами килограммов героина, через КПП пропустили!

– Проблем не было?

– Не было, Феликс! Вместо них сюрприз получили.

Голос генерала Борисова напрягся:

– Что за сюрприз? Объяснись понятней.

Полуянов доложил о людях-рабах, провозимых в последней машине колонны.

Феликс уточнил:

– Как я понял, люди, восемь человек, включая двух женщин, в последнем «КамАЗе», скованы и сопровождаются вооруженным конвоем?

– Так точно!

Борисов на минуту задумался:

– Хорошо, хотя, конечно, ничего хорошего в полученной информации нет. Но было бы гораздо хуже, если бы мы не узнали о заложниках. У тебя возле Саров сколько людей?

Полуянов ответил:

– Пять человек.

– Кто старший?

– Капитан Гурин.

– Немедленно передай ему, чтобы выслал человека в Сары. Сразу на въезде в поселок по шоссе справа во втором доме он должен встретиться с неким Довлетом Мусаевым. Это наш зарезервированный агент. У него есть машина. Пусть Довлет немедленно отправляется вдогонку за колонной и скрытно сопровождает ее. Узников бандиты могут оставить где-нибудь, не доезжая конечного пункта своего маршрута, нам надо знать, где это произойдет, если произойдет вообще. Понял меня, Вадим?

– Понял!

– Работай!

Отключившись от Москвы, Полуянов тут же связался с капитаном Гуриным. Передал командиру группы слежения за Сарами приказ Борисова.

Через час получил ответ – преследование вышло из поселка. А еще через два часа Гурин доложил: Мусаев догнал колонну и сел ей на хвост.

В 20.00 командир «Бадахшана» вызвал Соколова.

Тот ответил немедленно:

– «Перевал» на связи!

– Это спецназ. Видел твою работу, майор, что подтвердило искренность намерений сотрудничества с нами.

Соколов ответил:

– Я рад, что вы поверили мне!

– Оставим лирику, перейдем к делу. Ты знал, что должно было находиться в кузовах «КамАЗов»?

– Так точно, наркота, прикрытая мешками с сахаром.

– А о том, что в последней машине находились люди, ты не знал?

Майор-пограничник искренне удивился:

– Люди? Не понял вас.

– А тут нечего и понимать! В кузове последней машины перевозились восемь человек, скрепленные цепью, среди них две женщины, под охраной двух вооруженных боевиков.

– Но под тентом были мешки!

– А за мешками – невольники. Но это уже не важно. Я убедился, что и для тебя данное обстоятельство явилось неожиданным. Никаких предположений, кроме использования узников в качестве прикрытия транзита, сделать не можешь?

Недолго подумав, Соколов ответил:

– Нет! Честное слово, нет!

Полуянов спросил:

– А как думаешь, Беляев знал о перевозке рабов?

– Должен был знать! Раз снабдил колонну пропусками отряда, значит, был связан с теми, кто организовал наркотранзит, а следовательно, знал и то, что конкретно повезут «КамАЗы». Путевая документация, накладные на сахар – липа, а вот печать на пропусках настоящая, отрядная, которую постоянно держит при себе Беляев!

– Ладно! Откуда, по документам, вышла колонна?

– Из Форога. С оптовой продовольственной базы.

Полковник уточнил:

– Ошибки быть не может?

Майор ответил категорично:

– Нет! На липовых документах колонны штампы Форогской мобильной погрангруппы.

Они остановили машины в пяти километрах от населенного пункта. Штампы настоящие! Они имеют степень защиты, известную только пограничникам, и подделать оттиски вне специальной лаборатории Штаба пограничного округа невозможно. Доступ туда имеет крайне ограниченный круг лиц, служащих штаба.

– Ясно!

Соколов вдруг чертыхнулся, что сразу встревожило полковника:

– В чем дело, майор?

– Мимо окна прошмыгнул Селдымурадов. Но что он делал в тылу здания, куда ранее никто никогда не заходил? Он мог слышать наш разговор, вернее, то, что говорил я.

Полуянов повысил голос:

– Я же предупреждал тебя, Соколов! Почему не обеспечил безопасность сеанса связи?

– Виноват, – тихо ответил майор.

– Виноват, – передразнил его полковник. – Так, немедленно связаться с Беляевым твой водитель и помощник не сможет, как и с кем-нибудь в Ургабе, над постом радиоколлап с коридором нашей двусторонней связи. Но завтра начальник погранотряда сам прибывает к тебе. Вот тогда и стуканет твой Абдула Беляеву о непонятных радиопереговорах своего командира.

Соколов согласился:

– Это уж точно, как два пальца... стуканет!

Полуянов спросил:

– Прапорщик спит в отдельном отсеке?

– Нет, а что?

– Твоего Абдулу необходимо срочно убирать. Иначе завтра тебя ждут крупные неприятности. Нас, впрочем, тоже. А этого я допустить не могу. Вернемся к тому, где и как ночью отдыхает твой подчиненный?

– В отсеке для прапорщиков. Их в комнате – четверо.

Полковник произнес:

– Плохо!

Полуянов задумался, затем задал неожиданный вопрос:

– Ты уже передал прапорщику его долю за пропуск каравана?

– Еще нет.

– Это уже лучше. Еще вопрос: к тебе в комнату незаметно для личного состава заставы, включая караул, могут спуститься с гор два человека?

Майор ответил:

– В принципе это возможно, но только по скале, что сразу за тылом казармы, недалеко от моего окна, единственного с торца здания. Тот участок не охраняется караулом, так как считается неприступным.

Полковник оживился:

– Значит, мои люди спустятся прямо к твоему окну?

– Так точно! Но это сложно и опасно.

– А вот это уже наша забота, майор. Открой окно, чтобы спецы могли проникнуть в твою комнату.

– Сделаю, товарищ полковник!

– Тогда гости придут для решения вопроса по Селдымурадову. А пока встретись с прапорщиком, прогуляйся с ним по посту. Потяни время, придумав какое-нибудь объяснение сеансу связи. В 21.40 можешь заводить Абдулу в свой отсек для полного расчета с ним. Все понял?

– Так точно!

– Выполняй, майор! Конец связи.

Отключившись от поста, Полуянов тут же вызвал одного из командиров диверсионно-штурмовых групп капитана Смирнова, чье подразделение занимало позицию в уступах горного массива противоположного хребта, как раз над казармой пограничной заставы. Тот ответил:

– «Склон-2» на связи!

– Это «Склон-1»! Полуянов. Слушай меня внимательно, Юра! Срочно спускай к торцу казармы со скалы двух штурмовиков-ликвидаторов. Они должны внизу проникнуть через единственное к скале окно в комнату начальника заставы. Оно будет открыто. С собой взять «черную таблетку»! Далее им действовать по следующей схеме...

Полковник объяснил порядок действия диверсантов в комнате Соколова.

– И поторопись, Юра! В 21.40 они должны быть в казарме и отработать объект. Затем немедленный отход. Учти, это очень важно, капитан!

Смирнов ответил:

– Я все понял, командир! Не волнуйтесь, в назначенное время мои ребята будут в нужном месте и сделают все по уму.

– Работай, Юра! Только аккуратно, очень тебя прошу!

Полуянов, наконец отключив оперативную связь, нервно закурил.

Не хватало еще, чтобы из-за нелепой случайности, из-за какого-то прапорщика-оборотня Беляев раскрыл присутствие возле поста подчиненной ему пограничной заставы отряда спецназа! А он раскроет его, если сегодня же не убрать осведомителя. Сейчас все в руках «профи» капитана Смирнова. Ему же, полковнику «Виртуса», остается лишь одно – ждать!

* * *

А на противоположном склоне Смирнов вызвал к себе старших лейтенантов Буданова и Корнева.

Поставил им задачу, определенную командиром отряда, передав из арсенала смертельных средств так называемую «черную таблетку», действие которой не отличалось от действия на организм человека цианистого калия. С одной лишь разницей: действовала таблетка не мгновенно, а в короткий промежуток времени, и уже через шесть часов после смерти клиента следов этого быстродействующего смертельного препарата не обнаружило бы ни одно вскрытие, ни одна экспертиза.

Майор же Соколов, отключив рацию, положил ее на кровать, отодвинул засовы створок металлических ставен, открыл шпингалеты рамы и вышел из своей жилой комнаты.

В коридоре, на выходе из казармы у ружейной комнаты, возле тумбочки, как и положено в любом воинском подразделении, стоял дневальный.

Начальник заставы подошел к нему. Рядовой-таджик принял стойку «смирно».

Майор спросил у него:

– Где сейчас прапорщик Селдимурадов?

Дневальный ответил неопределенно:

– Был где-то здесь, ходил возле казармы, товарищ майор!

Соколов приказал:

– Найди мне его.

Рядовой замялся:

– А как же «тумбочка»?

Майор повысил голос:

– Это еще что за разговорчики? Ты плохо понял приказ? Бегом марш искать прапорщика!

Рядовой бросился в комнату прапорщиков, оттуда мимо Соколова, вставшего возле комнаты хранения оружия, на улицу и вскоре вернулся с Селдимурадовым, доложив:

– Товарищ майор, ваше приказание выполнено!

– Вот так лучше, а то разговаривать много стали, служба медом кажется? Я быстро испорчу ее дегтем, так, что взвоете, как раненые шакалы. Где дежурный по заставе?

– По нужде отошел, товарищ майор!

– Он что, канат проглотил, этот контрактник?

Рядовой пожал плечами:

– Не знаю.

– Зато я знаю. Вызывай второго дневального и дежурного в казарму! Понял?

– Так точно!

– Вперед!

Вскоре весь наряд собрался вместе, дежурный получил наряд вне очереди, дневальные по выговору. Прапорщик спросил:

– Чего это вы так разошлись, майор?

Соколов проигнорировал вопрос помощника, предложив:

– Пойдем-ка, Абдуламон, пройдемся по посту!

Прапорщик, поправив кобуру пистолета, спокойно ответил:

– Можно!

Они вышли из казармы, прошли на площадку особого досмотра подозрительного транспорта. С момента окончания сеанса связи с командиром отряда спецназа прошло чуть более пятнадцати минут. А надо продержать Селдимурадова вне здания примерно час. Майор сказал:

– За колонну, что утром мы пропустили, гонорар у меня. Твоя доля – десять тысяч долларов. Позднее заберешь ее.

Таджик, хитро прищурившись, проговорил:

– А не кажется вам, майор, что моя доля значительно увеличилась после того, как я стал свидетелем вашего разговора по радиации с неизвестным абонентом? И разговор довольно странный, который, несомненно, заинтересует подполковника Беляева. Я думаю, уже завтра у него к вам будет много вопросов, и как бы все это не отразилось на здоровье вашей жены. Безжалостные охранники начальника отряда вполне могут использовать ее как средство развязывания языка вам, чего, признаюсь, мне не хотелось бы!

Майор внимательно посмотрел на прапорщика. Да, выходит, тот слышал его разговор с полковником спецназа, и последний принял единственно верное решение по Селдимурадову. Этой продажной мрази не место на земле! Но спросил, стараясь сохранять спокойствие, хотя в голосе майора зазвенели угрожающие нотки:

– Ты, Абдуламон, решил шантажировать меня? А не подумал о том, что я мог разговаривать именно с Беляевым или с тем человеком, который стоит выше подполковника в нашем общем деле? Не подумал о том, что играть со мной в такие игры смертельно опасно?

Таджик приложил руки к груди:

– Ради всего святого, майор! Если вы говорите правду, я буду только рад и с готовностью отдам половину причитающегося мне гонорара за то, что посмел так плохо подумать о вас, человеке, без малейшего преувеличения, достойном! Клянусь мамой, я так и сделаю! Нам остается дожидаться приезда Беляева, и все встанет на свои места.

Соколов посмотрел на часы.

Надо было продержаться прапорщика на улице еще десять, а для перестраховки пятнадцать минут. Поэтому он спросил:

– Скажи, Абдуламон, а если бы я сейчас отказался от только что сказанных слов и твои подозрения подтвердились, ты завтра сдал бы меня Беляеву?

Таджик, вновь хитро сощутив глазки, ответил:

– Зачем? Мы же с вами один хлеб кушали! Но... вы сами понимаете, молчание в данной ситуации стоит дорого. И я бы вполне удовлетворился определенной суммой, чтобы сделать вид, будто ничего не произошло. Но что об этом говорить, если вы ничего такого не совершали?

Майор не обратил внимания на последнюю реплику подчиненного:

– Интересно, и сколько бы ты запросил за молчание?

Абдуламон ответил не раздумывая:

– Во-первых, весь гонорар от сегодняшней работы, во-вторых, откупную в сто штук, чтобы бросить службу и свалить отсюда. Ведь вы же не простили бы шантажа и не упустили бы шанса завалить меня? Разве я не прав?

Майор рассмеялся, и это вышло у него настолько искренне, что немного смутило таджика.

– Ладно, Абдуламон, давай закончим этот пустой базар, покурим спокойно и пойдем ко мне, я отдам тебе твои пять штук «зеленых».

– Но разговор шел о десяти тысячах долларов!

– Так от пяти ты уже, по сути, сам отказался. Ибо завтра мои слова подтвердятся. Зачем же давать то, что завтра тебе придется вернуть обратно? Расставаться с деньгами труднее, чем не получать их вовсе.

Лицо прапорщика помрачнело. Он пробурчал:

– Что будет завтра, один Аллах знает, а сегодня я предпочел бы получить всю свою долю.

– Хорошо, хорошо! Да и не возьму я с тебя ничего! Завтра вечером отвезешь меня к Наде, возьмешь ящик шампанского, и будем в расчете.

Выбрасывая сигарету, майор мельком взглянул на часы: 21.40. Можно возвращаться в жилой отсек.

– Идем, Абдуламон, рассчитаю тебя по совести!

Соколов развернулся и пошел в сторону казармы.

Таджик, явно обескураженный поведением командира, поплелся следом. Прямо в холодные объятия смерти!

Они вошли в здание. Дневальный подал команду «Смирно!» и тут же: «Застава, строиться на вечернюю поверку!»

Из солдатских отсеков вывалила толпа военнослужащих. Вышли из своего отсека и два прапорщика.

Майор с Селдымурадовым прошли мимо стремившихся на выход пограничников, вошли в комнату начальника заставы.

И тут же прапорщик попал в жесткий шейный захват человека в черном комбинезоне и такой же черной маске. От удущья таджик широко раскрыл рот, пытаясь вдохнуть воздуха, вто-

рой «профи» спецназа бросил ему в рот «черную таблетку», представляющую собой в действительности маленький желтый шарик. После чего, развернув таджика, первый «спец» вытолкнул оборотня в коридор.

Сам же, подав сигнал напарнику, быстро выскользнул в открытое окно.

Майор выглянул наружу и увидел, как две черные, почти незаметные на темном фоне скалы фигуры спецназовцев на тонких тросах быстро поднимаются вверх. Соколов закрыл окно и ставни, закурил, ожидая, что последует дальше, в коридоре казармы.

А там к стоящему спиной к тумбочке и смотрящему на улицу, где шла поверка, дневальному, прижимая руку к левой стороне груди, качаясь, шел прапорщик Абдуламон Селдымурадов.

Он сумел пройти отсек прапорщиков и прохрипеть:

– Дневальный!

Тот, услышав хрип сзади, обернулся.

И в это время, остановившись и сделав несколько рваных глубоких вдохов, таджик рухнул на пол.

Рядовой бросился к нему.

Прапорщик попытался что-то сказать, но полость его рта заполнила горькая пена, начавшая стекать с углов тонких губ Селдымурадова. Глаза затуманились и закатились, тело пробила предсмертная конвульсия.

Дневальный закричал:

– Товарищ майор! Товарищ майор!

Соколов вышел из комнаты, держа между пальцев наполовину искуренную сигарету. Увидев лежащего подчиненного, бросил окурочек, кинулся к прапорщику.

– Абдуламон! Абдулло! Что с тобой?

Но тот уже ничего ответить не мог. Сердце Селдымурадова остановилось. Поднявшись над затихшим и вытянувшимся трупом помощника, майор приказал дневальному:

– Личный состав в казарму пока не впускать, прапорщиков ко мне!

Спустя минуты ошарашенные внезапной смертью сослуживца помощники офицера перенесли остывающее тело Селдымурадова на его кровать, накрыли труп простыней.

Майор вернулся к себе в комнату.

Тут же прошел вызов по рации, Соколов ответил:

– «Перевал» на связи!

Вопрос задал полковник спецназа:

– У тебя все в порядке, майор?

– Да! Так точно!

– Я снимаю блокаду с заставы, сообщай Беляеву о случившемся в подразделении «несчастном случае». Я вызову тебя завтра, как обычно, в 20.00 по местному времени.

Майор выразил сомнение:

– Я могу в это время находиться на похоронах в Ургабе!

– Ясно! Тогда, как только освободишься, выйдешь на связь сам, предварительно пустив в эфир контрольный сигнал, чтобы мои люди вновь смогли накрыть нужный район радиопомехами. Давай, работай, майор!

Соколов заметил:

– А ваши люди настоящие профессионалы!

– Ты сомневался в этом?

– Нет, но никогда не видел, как в боевом режиме действует спецназ. Это, знаете ли, впечатляет.

Полковник прервал дифирамбы майора:

– Все! Конец связи, вызывай Беляева.

У входа в здание, недалеко от распущенного из строя рядового личного состава, сгруппировались прапорщики заставы. Соколов подошел к ним.

Один из подчиненных спросил:

– Как же это так, товарищ майор?

На что Соколов спокойно ответил:

– Сердце, наверное! У меня вот так сосед по прежнему месту службы, тридцатилетний майор, умер. Вышел утром из квартиры, спустился на улицу, схватился за грудь и опустился на скамейку перед подъездом. Мы к нему, а он уже не дышит, только такая же, как недавно у Абдулло, пена изо рта. Диагноз потом поставили: острая сердечная недостаточность. А офицер был крепким, спортсменом, не пил, не курил, летом и зимой холодной водой на улице обливался. Ничего не помогло. Видать, и правда, у каждого своя судьба. Ладно, заводите в казарму на отдых солдат, сами отдыхайте! А мне надо в отряд сообщать о чрезвычайном происшествии, да родственников в Ургабе оповещать. Хоронить придется уже завтра до захода солнца, по местным обычаям.

Прапорщики подали команду личному составу строиться, а майор, отойдя в сторону, снял с пояса рацию, вызвал отряд:

– «Бастион»! Я – «Перевал», как слышите меня? Прием?

Оперативный дежурный ответил:

– «Бастион» слушает! На связи капитан Шашин.

– Срочно соедините меня с «Первым»!

– Причина вызова? Вы же знаете, как начальник относится к поздним вызовам.

Соколов объяснил:

– ЧП на заставе, со смертельным исходом!

Оперативный дежурный тут же спросил:

– Нападение на пост?

– Нет! Но о нем я сообщу лично «Первому», не тяните время, капитан!

– Минуту, соединяю!

Вскоре раздался раздраженный голос подполковника Беляева:

– Что за беда у тебя, «Перевал», что за смертельный исход?

Соколов ответил:

– Умер прапорщик Селдымурадов!

– Что?.. Как это... умер? – Начальник отряда был явно потрясен.

Майор же ответил:

– Я не медик, товарищ подполковник, но думаю, внезапная остановка сердца!

– Сердца... – автоматически повторил Беляев.

Соколов спросил:

– Родственников покойного в Ургабе предупредить? Хоронить его придется завтра до захода солнца, им надо бы подготовить свой ритуал.

На что начальник отряда грубо ответил:

– Плевать мне на их обычаи! Никому в селении ничего не сообщать, пока не будет точно установлена причина смерти. Понял, майор?

Соколов ответил безразлично:

– Понял! Как скажете, так и сделаю.

– Вот и делай! Утром в 9.00 я буду у тебя на заставе с врачом. Подготовь какое-нибудь помещение под вскрытие. Да... деньги с колонны «КамАЗов» получил?

– Так точно!

– Все сто штук?

– Да!

– Документацию водителей с пропусками уничтожил?

– Это было, согласно вашему приказанию, поручено сделать Селдымурадову. Я же все бумаги ему передал!

– Ладно! До завтра, майор, конец связи.

Майор отключил прибор связи, обратился к начальнику караула и дежурному по заставе, одновременно подошедшим к командиру для получения особых инструкций в изменившейся обстановке. Соколов приказал:

– Службу нести в обычном режиме! С подъема завтра стол для чистки автоматов из оружейной комнаты силами внутреннего наряда перенести в сушилку, освободив ее и вымыв с хлоркой. Подвести шланг для подачи воды из технической емкости, труп Селдымурадова туда же! Беляев решил провести вскрытие. Все, отбой!

Прапорщики попросили:

– Командир, разреши ночь на улице провести. Не пойдет сон рядом с трупом.

– Разрешаю, на входе в казарму.

Глава 3

Выйдя с горного пограничного поста в 12.05, колонна «КамАЗов», сделав по пути двух-часовую остановку для отдыха и обеда, рано утром 6 августа прибыла в селение Баруль, не доезжая поселка Ашала каких-то двадцати километров. И остановилась, пропущенная частной охраной, у одного из ангаров когда-то парка советской танковой части, а ныне крупнейшей в регионе оптовой продовольственной базы, куда поступала и многочисленная гуманитарная помощь.

Радиомаяки дальнего радиуса действия, вбитые мелкими «гвоздями» в колеса грузовиков, со своей миссией справились, обозначив на мониторе специального оборудования отделения «Р» подразделения полковника Полуянова маршрут наркокаравана, привязанный к местности.

А старший лейтенант Довлет Мусаев, сопровождавший колонну, доложил, что ни наркотик, ни сахар, ни люди за все время прохождения колонной длительного маршрута нигде не выгружались, пищу в последнюю машину подавали через тент «КамАЗа». Зарезервированному агенту «Виртуса» было приказано возвращаться домой.

Полученная информация тут же ушла в Москву. И вернулась оттуда приказом командира отряда «Легион-1» заблокировать и аул Баруль с его оптовой базой, и сам Ашала, небольшой, тихий с виду поселок, имеющий, однако, собственный аэропорт, откуда регулярно совершались рейсы к близлежащим городам и поселкам, в том числе и России.

Согласно приказу, группе капитана Харина в ночь с 6 на 7 августа предстояло скрытно, используя местный, изобилующий многочисленными оврагами и балками, заросшими густой кустарниковой «зеленкой» ландшафт, перебазироваться от Ашала в окрестности Баруля, где, рассредоточившись на господствующих высотах, взять аул и особенно территорию продовольственных складов в кольцо плотного контроля.

В 23.20 шестого числа десять бойцов отряда «Легион-1», разбившись на два отделения, совершили двадцатикилометровый марш-бросок, к пяти часам 7 августа заняв намеченные позиции, о чем командир группы спецназа капитан Харин доложил своему командиру.

Полковник Зотов вызвал Москву.

Борисов тут же ответил:

– Слушаю тебя, «Легион-1»!

– Объект «Склад» в Баруле взят под наблюдение!

– Понял! Как думаешь, Женя, для чего наркоторговцы доставили туда невольников?

– Если честно, то черт его знает, Феликс! Может, для дальнейшей продажи, может, для использования в качестве рабочей силы.

– Вот! Вот, Женя, я тоже так думаю, более склоняясь к тому, что бандитам требуется рабочая сила, именно на наркоте, с последующим тихим уничтожением. Местных работников не наймешь, это сразу вызовет слухи о хранении наркотиков, да и так просто их не убрать, заметая следы. А невольники? Это другое дело. Тебе не кажется, что было бы совсем неплохо воспользоваться дефицитом у наркоторговцев рабочих со стороны и внедрить пару наших ребят?

Зотов согласился:

– Да, это бы нам не помешало, но как провернуть сей маневр, Феликс?

Заместитель директора Службы предложил:

– А ты попробуй запустить в Ашала наших людей, пусть перед этим пару дней спиртику попьют, не помоются, не побреются, переоденутся в потертый, латаный камуфляж, чтобы к утру 9-го числа принять вид бомжей. Выбери ребят помоложе, покрепче, дай им парудохлых вещмешков да перстенок из золотого запаса и пусти их погулять по поселку в поисках работы. Но, смотри, ребят держать под контролем, а им особо не рисоваться, в Ашале «засветиться»

и, если ничего не проклянется, двинуться к Барулю. А то еще какой местный бай положит на них глаз да решит взять в рабы к себе. Нам такие проблемы не нужны. Удастся внедрить «кротов» на склад – хорошо, не удастся – не беда! Но попробовать следует. А легенду для них шифровкой из разведки Службы сегодня же и получишь.

Злотов ответил:

– Я все понял, Феликс! Перетрем этот вариант!

– Давай! До связи, Женья!

* * *

Группа наблюдения за базой в Баруле отмечала и докладывала лишь о том, что территорию базы посещали только местные машины, грузившиеся в основном мукой, сахаром, консервами. Но утверждать, что вместе с вышеуказанными продуктами в Ашал не уходил и наркотик, капитан Харин не мог. Так как «КамАЗы», судя по изгибам рессор задней тележки, разгруженные, стояли в ряд вдоль забора недалеко от выездных ворот, а ангары сообщались между собой непрерывным движением погрузчиков, постоянно перевозивших груз из одного склада в другой. Для слежения конкретно за наркотой необходим был специальный рентгеновский прибор, который в арсенале Злотова имелся, но использовался группой контроля аэропорта; или получение информации от лиц, непосредственно работающих на базе и причастных к наркоторговле, вербовка которых в местных условиях не представлялась возможной.

Группой наблюдения был зафиксирован и сфотографирован хозяин базы. Изображение снимков было передано для идентификации личности по специальному каналу связи в Москву, и вскоре прибыл ответ.

Хозяином, как его называл весь персонал базы, являлся некий Малик Асланбеков, или просто Асланбек, ранее судимый за контрабанду оружия, ныне известный на Востоке наркобарон. Установлены его связи. Он часто контактировал и продолжает контакты с неким Ахуном, Мумином Ахуновым, имеющим свою оптовую продовольственную базу в Фороге.

Из связей Асланбека можно было просчитать основной канал наркотранзита в зоне ответственности проводимой Службой Х-4 операции «Цунами».

Он выглядел цепью: заводы в Северном Афганистане (Кайрабад и Гайдуз) – проход мелких, но многочисленных групп через Пяндж – гужевым и автомобильным транспортом в Форог и Ургаб в Таджикистане – горный пограничный пост Караульского погранотряда – Ашал через Баруль в Киргизии в Россию воздушным транспортом. И уже оттуда продвижение наркоты по многочисленным внутренним каналам в европейскую часть России и далее на Запад. В принципе подтверждалась информация глубинных разведок не только самой Службы «Виртус», но и ФСБ и ГРУ Генштаба ВС РФ.

Работы профессионалам «Виртуса» предстояло много, но уже уточненная разведывательная информация, разъясняющая стратегию и тактику местных восточных наркобаронов, давала Службе неплохие шансы на успешное проведение общей операции «Цунами».

И бойцы спецназа Службы по борьбе с наркомафией работали.

8 августа через весь поселок Ашал, прибыв в него со стороны Узбекистана, прошли двое крепких, но, видимо, опустившихся, судя по внешнему виду, парней в оборванной одежде, состоящей из заношенного камуфляжа, истоптанной мабуты – военных ботинок, с пропитыми, небритыми, припухшими от пьянок физиономиями, с полупустыми вещевыми мешками за плечами. Этими «бомжами» были капитан Симаков и старший лейтенант Леонидов, обращавшиеся друг к другу не иначе как Симон и Кача.

Объявились они в поселке в шесть часов утра и к восьми подошли к чайхане на окраине Ашала, раскинувшей свои топчаны над небольшим, но быстрым ручьем, рядом с дорогой, ведущей в Баруль.

Чайханщик только открыл свое заведение, и Симон с Качей стали его первыми посетителями. Они тут же обратились к пожилому то ли узбеку, то ли таджику:

– Салам, ага! Водяру в запасе держишь?

Хозяин чайханы, осмотрев бомжей, ответил:

– У меня есть все, вот только водка дорогая у нас, знаете уже, наверное?

Пришельцы облегченно вздохнули, бросив на топчан внутри здания свои рюкзаки:

– Давай литруху и скажи там кому из своих помощников, чтобы шашлык нормальный из свежей баранины, а не из собак сварганили. По шесть длинных шампуров на брата, с горячим чорекком и зеленью. Зелени побольше!

Чайханщик подозрительно осмотрел посетителей, поинтересовался:

– А чем расплатиться за стол, уважаемые гости, найдете?

Симон спросил:

– Тебя как зовут, старик?

– Зови Ходжой-ага!

– Ты, ага, в гайках тему просекаешь?

Старик не понял:

– Чего? В каких гайках?

– Ну, в золоте, камнях драгоценных?

Ходжа-ага утвердительно кивнул головой.

Симон продолжил:

– Значит, стоящий товар от фуфла отличить сможешь?

– Смогу!

– Тогда подойди, глянь на одну штуковину.

Чайханщик подошел. Русский, что разговаривал с ним, поднял вверх безымянный палец правой руки, на котором красовалась печатка с небольшим, но явно дорогим камнем. Капитан спросил:

– Оцени, Ходжа-ага, гайку!

Старик сразу понял, что перед ним дорогостоящая вещь.

Понял он и то, что этим перстнем и собираются рассчитаться с ним неожиданные оборванные «гости». Но, соблюдая восточную осторожность и хитрость, спросил:

– Хорошая печатка, слов нет, и что?

– А то, что накормишь нас, напоишь, девочками побалуешь, приютишь до завтрашнего утра, советом кой-каким поможешь, и гайка будет на твоей руке. Как тебе такой бартер?

Чайханщик погладил бородку, быстрыми глазками словно простреливая посетителей, ненадолго задумался.

Наконец, обернувшись к стойке, крикнул:

– Берды!

Из подсобки вышел мальчик лет десяти.

Старик что-то быстро проговорил пацану, но Кача, старший лейтенант Леонидов, знал восточные языки. Он понял, что чайханщик приказал своему сыну закрыть здание, а посетителей обслуживать на топчанах снаружи. А также принести две бутылки водки и передать старшему брату Хакиму, чтобы готовил шашлык. Шашлык для почетных гостей, а не обычную стряпню.

Кача передал смысл разговора Ходжи с сыном своему напарнику Симакову, как только они остались одни в большой комнате. Капитан кивнул головой, и офицеры в ожидании водки и пищи развалились на топчане, облокотившись на грязные наволочки подушек.

Сын чайханщика не дал спецназовцам расслабиться, уже спустя несколько минут внес две бутылки водки местного розлива, пиалы и блюдо с персиками на закуску перед шашлыками.

Приняв перед выходом на задание препарат, ослабляющий действие спиртного, офицеры налили по полной пиале водки и выпили ее в несколько глотков. Сразу же затянулись «Примой», отодвинув фрукты в сторону.

Вскоре шашлык был готов. Шампуры внес сам чайханщик.

Берды расстелил клеенку и поставил две косы, одну под шампуры, другую под кости от шашлыка, положил разломанные куски лепешки. Старший сын Ходжи внес плоскую тарелку со всевозможной зеленью, чем так богаты здешние горы и огороды аборигенов.

Подростки удалились, сам же старик присел с краю топчана, сложив ноги под собой, затянувшись дымом удлинённой папиросы. Он курил анашу.

После нескольких затяжек спросил:

– Все нормально, гости дорогие?

Офицеры спецназа, с удовольствием поглощая отлично прожаренные куски мягкого мяса молодого барашка, ответили:

– Нормалек, Ходжа-ага, все ништяк, даже водка особо керосином не отдает!

Чайханщик задал следующий вопрос:

– Сами-то откуда будете, странники? Что побудило вас оказаться здесь, вдали от России, в месте, для русских не безопасном?

Ответил Симон, быстро расправившийся со своей порцией шашлыка:

– Э, старик, а где сейчас для русских безопасно? В самой России? Там тоже война и беспредел. Мы вот с корешем, – капитан Симаков указал на Леонидова, – в армии познакомились...

Чайханщик тут же перебил:

– А где служили, в Чечне?

– В хер бы она не уперлась, Чечня твоя! – ответил Симон. – В стройбате железнодорожном кайлом махали, старик. Ветку под Норильском тянули. Хреново там было, дедовщина да офицерье вконец достали, вот и ломанулись с Качей в бега. Как раньше в кино пацан один, беспризорник, говорил, на юга, в Ташкент. Он же город хлебный? Только не все просто здесь, в Азии, оказалось...

Симаков замолчал, лицо его посуровело, помрачнел и друг Кача, Леонидов. Офицеры спецназа неплохо умели играть нужную роль.

Гости, расслабившись, были не прочь излить душу гостеприимному старику, тем более после того, как подогрели себя еще ста пятьюдесятью граммами водки.

– Вот так, старик, – продолжал Симаков, – и пришлось нам с Качей, – капитан кивнул на друга, который лежал на топчане, глядя на резной деревянный потолок и внешне никак не реагируя на происходящее, – познать все прелести бегов.

Ходжа что-то крикнул сыну.

Тот принес чайник зеленого чая, предложил гостям:

– Пейте, уважаемые, в чае сила большая!

Симаков усмехнулся:

– Ага! Как это говорят? Чай не пил, откуда сила? Чай попил, совсем ослаб?

Чайханщик возразил:

– Так только дураки говорят или люди, не знающие толка в этом поистине волшебном напитке! Но... продолжай! Твой рассказ очень заинтересовал меня.

Симаков налил себе пиалу чая, взял ее, как принято на Востоке, тремя пальцами за дно и аккуратно, чтобы не обжечься, с воздухом, как анашу, втянул в себя несколько глотков действительно тонизирующего напитка.

– Сейчас и вспоминать легко, и рассказывать тоже, и слушать интересно, а тогда... ну, ладно! Подались мы с дружкой в Ташкент. Город хороший, современный, ничего не скажу, но только мы там не нужны были. Да это и понятно, образования – три класса, никакой профессии,

куда податься? Лишь в грузчики! Ну, пристроились на железнодорожной станции. Работы – уйма, а зарплата тьфу! Вся надежда на калым у частных была. А его узбеки из местных бродяг держали, чужаков и близко не подпускали. Пришлось уходить и с работы, и из Ташкента, города хлебного! Едем как-то автостопом с одним бабаем да на жизнь, вот как сейчас, жалуемся. Он вдруг и спрашивает, а не хотим ли мы на него поработать. Он, мол, не обидит. Я спросил, конечно, что за работа. Он, как-то хитро ухмыльнувшись, ответил – не бойтесь, не пыльная работенка, как раз для вас, ребят физически крепких. На самом деле оказалось все наоборот! Самая что ни на есть пыльная, в прямом смысле слова, работа. Этот узбек у одного бая в помощниках ходил, а бай владел конопляными плантациями в Ферганской долине, недалеко от Намангана. Вот мы и попали на них. Как созреет конопля, раздеваешься догола, надеваешь ватный халат и бегаешь туда-сюда, пока не запотеешь. Как тело покрылось потом, халат прочь и в заросли конопли, бежишь по плантации. Пыльца оседает на тебе, потом снимаешь ее ножом. А с влажной пылью уже другие работают, ты же опять в халат и потом в коноплю. После третьей ходки в отруб от духа этой дури. Так и пахали на этого бая, после же решили свалить, пока до конца не вырубилась на этих плантациях. Ну, запросили у него заработанные деньги, а в ответ получили идиотский смех и слова: вас кормят? Поят? Баб привозят? Спать дают? Чего же вы еще хотите? Или до сих пор не поняли, что стали моими рабами? Так мой помощник сейчас вам все популярно объяснит. Он кивнул одному из надсмотрщиков, и тот с палкой для подгона ишаков пошел на нас. А возле бая, кроме этого верзилы с палкой да еще одного охранника-водителя с автоматом наперевес, в тот момент никого рядом не было. Разговор мы на краю поля вели, возле байского джипа. Ну, Кача удар надсмотрщика отбил, я на водилу. Тот пока затвор у автомата дергал, жизни и лишился, свернул я ему башку, а тут и Кача охраннику его же палкой шею проткнул. Бай замер в шоке, ну мы и его...

Чайханщик, внимательно слушая рассказ Симакова, спросил:

– Так твой перстень с руки бая?

– Да, – ответил капитан, – а камуфляж с охраны.

Ходжа кивнул головой, попросил задумчиво:

– Продолжай!

– Мы в джип! У Качи когда-то права были, и водить машину он умел, автомат охранника и пистолет бая на заднее сиденье кинули и рвать с плантации. Иномарку с оружием по пути цыганам сбагрили за бесценку, который и пропили за месяц, потом рюхнулись сюда, в Киргизию, в Ашал. Вот утром и добрались до места!

Крепыш Симаков замолчал, закулив сигарету.

Какое-то время молчал и Ходжа, о чем-то напряженно думая. Затем спросил:

– А как звали того бая?

– Черт его знает! Бай, он и есть бай... только другие рабы, которые пахали с нами на плантации, поговаривали, что, мол, и бай не самая крутая фишка, над ним стоит какой-то хан. Но ни я, ни корешок мой, ни другие рабы этого хана и в глаза не видели. Да и нужен он был нам? Какая разница, на кого спину гнуть? Хотели заработать денег, вот и заработали.

– А чего в Ашал подались, а не в тот же Наманган? Посоветовал кто?

Симаков ответил:

– Никто ничего нам с Качей не советовал. Из Узбекистана надо было уходить, а куда? В степи Казахстана, опять для какого-нибудь местного башлыка верблюдов пасти? Решили идти в Киргизию. Здесь, говорили, на наркоте можно подзаработать неплохо! Ты ничего не посоветуешь, хозяин?

Ходжа поднялся:

– Ладно, русские, отдыхайте пока! А посоветовать чего?... Я, может, кое-что большее для вас сделаю, если все выйдет, как я думаю, то и работу подберу. Оплачиваемую работу. Есть здесь люди, которым отчаянные парни в наемники нужны. И деньги они платят. Но обещать

ничего не буду. Захотите выпить, в коридоре, что идет во двор, в холодильнике водку найдете, нужник от задней двери справа, ну, а надумаете уйти, я вас не держу, запор откройте и попутного вам ветра. Решите остаться, в 8 утра встретимся. И не пугайтесь, если я с утра не один буду. А вообще-то уходить я бы вам не советовал, далеко не уйдете, места здесь слишком дикие и опасные, даже для таких крутых, как вы.

На что Симаков ответил:

– Никуда мы, Ходжа-ага, не уйдем, а насчет пугаться, то... мы давно забыли, что такое страх!

– Хоп! Я покидаю вас!

Но Симаков спросил:

– А как насчет баб?

Ходжа задумался, затем ответил:

– Будут вам бабы, минут через сорок-час и будут, только не отрубьтесь в ожидании!

– Не отрубимся!

– Ну-ну! Я смотрю, друг твой уже...

– Не беспокойся, Ходжа, как только здесь запахнет женщиной, он моментально прочухается. Кача большой охотник до баб!

Чайханщик вышел из комнаты через боковую дверь. На улице подозвал к себе младшего сына:

– Берды! Позови-ка ко мне дядю Али! Быстренько, я возле мангала буду ждать, да скажи, чтобы привел с собой двух овечек, он поймет.

Мальчик скрылся за чайханой, чтобы через полчаса появиться вновь в сопровождении пожилого, как и отец, мужчины и двух женщин, возраст которых определить было невозможно из-за черной одежды, скрывающей их лица и фигуры.

Ходжа и Али поздоровались:

– Ассолом, Ходжам-ага!

– Ва аллеикюм, Али!

– Твой сын сказал о проститутках. У тебя гости?

– Шлюхи как?

– Толк в своем деле знают, хохлушки! Подарок Асланбека!

– Пусть остаются, где стоят, а мы отойдем за дорогу.

Мужчины перешли дорожное полотно, сели под тенью густой чинары, чайханщик обратился к родственнику:

– Али! В здании чайханы, почему она и закрыта, отдыхают два гяура. Для них и шлюхи. Сейчас запустишь их к русакам, а сам, пройдя боковой дверью, замрешь за ящиками в подсобке. Слушать все, что будут говорить русские, даже во время случки с бабами. Слушать и запоминать. Утром обо всем мне доложишь. А чтобы тебя не свалил сон и как плата за бессонную ночь, держи!

Ходжа протянул Али шприц и пузырек с темной жидкостью.

Глаза родственника чайханщика заблестели. Он взял шприц с героином, проговорив:

– Все будет сделано в лучшем виде, Ходжам-ага! Я для подстраховки, пока гяуры будут со шлюхами знакомиться, за магнитофоном сбегая и через микрофон запишу все, что будет слышно из комнаты. Розетка у тебя в подсобке есть или мне батарейки брать?

Чайханщик похвалил родственника:

– Молодец, Али, я как-то о записи и не подумал, давай работай, а розетка там, ниже выключателя.

– Один вопрос, Ходжам-ага!

– Да?

– Если русские ночью решат свалить из чайханы, шум поднимать?

– Нет, да и идти им дальше Баруля некуда! Вернутся или застрянут там, что для нас одно и то же.

– Яхши, Ходжам-ага!

– До утра, Али!

Чайханщик, оставив за себя старшего сына, направился в местное почтовое отделение, откуда из телефонной кабины набрал номер хозяина продовольственной базы в Баруле.

Того на месте не оказалось, заместитель посоветовал позвонить господину Асланбекову домой в Ашал, если дело срочное. Что Ходжа и сделал.

Он застал босса:

– Хозяин? Ассолом аллейкюм! Вас беспокоит чайханщик Ходжа.

– Ва аллейкюм ассолом! Что за дело у тебя ко мне, чайханщик?

– Вы приказывали следить за поселком и сообщать вам, если в нем произойдет что-то необычное.

– И что же такого необычного произошло в Ашале?

Ходжа ответил:

– Да появились у меня сегодня с утра два русских дезертира из-под Норильска. Бывшие батраки, как они объяснили, Хана.

Асланбек переспросил:

– Хана? Ходжа, молчи! Это не телефонный разговор, двигай ко мне домой, здесь и поговорим!

– Слушаюсь, хозяин!

– Наблюдение за гяурами установил?

– Конечно!

– Хоп! Жду!

Чайханщик опустил трубку на рычаги старого, массивного телефонного аппарата, вышел из почты, направился в другой конец поселка, к усадьбе Малика Асланбекова.

Группа прикрытия Симакова и Леонидова доложила обстановку полковнику Злову, получив в ответ подтверждение приказа на поддержку вышедших в Ашал на внедрение в банду Асланбека офицеров отряда.

* * *

А почти за четыреста километров от киргизского поселка Ашал на пост второй пограничной заставы Караульского погранотряда утром 7 августа прибыл со своим обычным сопровождением подполковник Беляев.

Внезапная смерть его подчиненного и осведомителя, контролировавшего деятельность командира заставы, вызвала подозрение у командира отряда. Уж не догадался ли майор о том, что Селдымурадов следил за ним? И, зная об этом, все же допустил нечто, чего ему, Беляеву, знать не следовало, но что не удалось скрыть от прапорщика, и в результате устранил Абдуламона? Получив тем самым пусть и короткий, но свободный отрезок времени, чтобы замести следы свершения этого нечто. Уж не повел ли майор свою игру, убрав ненужного в ней стукача, державшего его на коротком поводке? Все это реально могло быть, поэтому командир отряда решил лично проверить все сам, не исключая, впрочем, и естественную смерть Селдымурадова.

В 8.20 «УАЗ» и «ГАЗ-66» погранотряда остановились на площадке особого досмотра машин, которые только что с открытием шлагбаума двинулись на пост под проверку пограничников.

Майор ожидал начальника возле казармы.

Увидев Беляева, пошел навстречу с докладом:

– Товарищ подполковник...

– Отставить! – оборвал начальника заставы Беляев. – Где труп прапорщика?

– В комнате, где и жил при несении службы, на его кровати.

– Как все произошло?

Задав этот вопрос, подполковник буквально впился в глаза Соколову. Но тот выдержал взгляд начальника, ответив спокойно:

– Вчера вечером после объявления дежурным построения на вечернюю поверку я вызвал Абдуламона к себе в жилой отсек, чтобы передать его долю гонорара за пропуск колонны «КамАЗов». Прапорщик пришел. Присел за стол. Я начал считать деньги. Дальнейшее развивалось стремительно. Селдымурадов вдруг побледнел, схватился за левую сторону груди, сморщился, видимо, от боли. Я спросил: сердце? Он ответил: похоже, да, заныло что-то резко. Спросил, нет ли у меня валидола или еще чего сердечного. Я ответил, что при себе ничего подобного не держу, но все есть у дневального и санинструктора. Предложил сходить за лекарствами. Но прапорщик отказался, поднялся и вышел в коридор, сказав, что скоро вернется. Я не предполагал, что с Абдулло может случиться что-то серьезное. Он же никогда не жаловался на здоровье. А тут крик дневального, который звал меня. Я, понятно, вышел из комнаты и увидел лежащего в коридоре казармы Селдымурадова. Естественно, сразу же кинулся к нему, приказав дневальному срочно вызвать санинструктора заставы. Абдулло что-то хотел сказать мне, но в уголках его губ вдруг появилась пена, моментально заполнив собой полость рта, лицо перекосилось, глаза закатились, тело пробил дрожь. И это за считанные секунды! Прапорщик умер! Можно сказать, у меня на руках. Затем я приказал перенести тело в его комнату и связался с вами. Вот, в принципе, и все.

Подполковник произнес:

– Скоро из Ургаба должен прибыть врач, мой знакомый. Он неофициально проведет вскрытие. Место для этой процедуры готово?

– Так точно, в сушилке на оружейном столе.

Беляев направился в комнату отдыха прапорщиков, где лежал его так некстати и внезапно погибший стукач Абдуламон Селдымурадов.

Начальник отряда поднял простыню, взглянул на посиневшее лицо покойного. Рот с налетом засохшей пены у того был приоткрыт, словно он хотел что-то сказать. Может, назвать имя своего убийцы?

Беляев вышел из комнаты, и тут с поста доложили, что на личном автомобиле из Ургаба, якобы по вызову самого подполковника, к шлагбауму подъехал врач-патологоанатом.

Подполковник приказал пропустить машину на территорию заставы, проводив врача к казарме. Начальник отряда сам вышел встречать медика, которого знал давно и который был человеком Мансура.

Патологоанатом, по национальности узбек, слыл в Ургабе обеспеченным человеком, имел собственный двухэтажный дом и нескольких жен. Он был единственным в поселке дипломированным врачом и брался лечить любые болезни, нещадно обдирая больных из местных жителей. К тому же он оказывал услуги Мансуру, истинному, в отличие от официальной власти, хозяину Ургаба. Да и власть этот наркобарон назначал сам, определив ей, как и положено по Конституции, статус слуг, но с одной оговоркой: не слуг народа, а своих собственных батраков. И эти слуги добросовестно служили своему истинному хозяину, получая от него зарплату, превышающую сумму содержания среднего таджикского чиновника в сотни раз. От этого пирога отрывал приличный кусок и врач-узбек.

Беляев и патологоанатом встретились возле «УАЗа» командира отряда. Первым поздоровался узбек. Все же подполковник российских пограничников – это не Мансур. От офицера напрямую зависела судьба ургабского наркобарона. Это счастье, что ТАКОЙ подполковник осуществляет руководство прикрытием границы возле озера Карауль. Будь другой на его месте,

черта с два прошли бы дальше поста машины с наркотой, со всеми вытекающими из этого последствиями.

– Ассолом аллейкюм, уважаемый Сергей Андреевич!

– Салам, Улугбек! Как дела? Семья, дети?

Врач улыбнулся:

– Все, слава Аллаху, хорошо! Как дела у вас, господин подполковник?

– Нормально!

Они пожали друг другу руки.

Беляев взял медика под локоть, отвел за свою командирскую машину, где никто, кроме «спецов» «Виртуса», о присутствии которых поблизости ни оборотень в погонах, ни хапуга в белом халате даже не подозревали, не мог услышать их разговор.

Подполковник спросил:

– Скажи, Улугбек, ты сможешь провести тщательное, квалифицированное вскрытие?

– Конечно, это же моя работа, но вопрос, уважаемый, что вы подразумеваете под тщательным вскрытием? Мне что-то необходимо найти в органах трупа? Скажите, что именно, и я буду искать то, что вам нужно!

Беляев проговорил:

– Понимаешь, Улугбек, не нравится мне смерть Селдимурадова!

На что врач философски ответил:

– А кому вообще, Сергей Андреевич, может нравиться смерть?

– Я не о том! Как это лучше объяснить... слишком уж все как-то неожиданно, быстро, неестественно!

Врач вздохнул:

– Э, подполковник, смерть-то как раз явление естественное. От нее еще никто не уходил. А насчет внезапности? Это обстоятельство лишний раз напоминает нам, насколько хрупка и непрочна нить жизни человеческой. Но я учту ваши пожелания и работать буду на совесть. На что, по вашему мнению, мне следует обратить особое внимание? На раны? Проколы органов? Отравляющие вещества?

– На все, – ответил Беляев. – Осмотри, Улугбек, каждый миллиметр трупа, выпотроши все его внутренности, проверь на наличие токсинов. Ну, не мне тебя учить. А чтобы работа у тебя спорилась, вот гонорар – тысяча долларов. Если найдешь то, что укажет на насильственный характер смерти, я увеличу вознаграждение в пять раз.

Патологоанатом с удовольствием положил пачку долларов в карман, сказав:

– Мне пора! Или у вас есть еще что мне сказать?

– Нет, Улугбек, иди работай!

Врач, неся солидный чемодан, набитый всяческим медицинским инструментом, прошел в сушилку, куда на стол для чистки оружия уже был перенесен труп Селдимурадова, поставлены емкости с водой, ведра и тазики. Улугбек закрылся в своеобразном морге и, закулив первую сигарету, начал работу.

Все два часа, пока в сушилке над трупом колдовал врач, Беляев не общался с Соколовым. Начальник отряда принял активное участие в досмотре машин, инструктируя пограничников, показывая, как и что надо делать, на личном примере.

Наконец патологоанатом вышел из казармы, вытирая руки полотенцем. Беляев тут же направился к нему, спросил:

– Ну, что, Улугбек?

– Не знаю, к сожалению ли для вас, подполковник, или нет, но труп, как у нас говорят, чист! Я имею в виду то, что ваш бывший подчиненный абсолютно точно умер своей смертью, безвременной, но естественной. Никаких признаков насилия я не обнаружил, в том числе и остатков отравляющих веществ, которые за столь короткий срок от смерти до вскрытия не

могли быть выведены из организма или раствориться в нем! По крайней мере, с такой отравой я еще не встречался! А опыт работы с ядами у меня богатый. У прапорщика внезапно остановилось сердце. Такое бывает довольно часто. И непредсказуемо, внезапно. Вот таково мое заключение, уважаемый Сергей Андреевич. Письменно оформить вскрытие?

Подполковник скривился:

– А кому оно нужно? Спасибо за работу, не смею больше тебя, Улугбек, задерживать. Только прошу, не афишируй причину своего вызова на заставу, яхши?

– Что я, враг себе, ваши люди не проболтались бы!

– Это уже моя проблема.

Врач уехал, Беляев закурил.

Прапорщик умер естественной смертью! И это теперь факт неоспоримый. Никто к его гибели не имеет никакого отношения, в том числе и майор Соколов. Что ж, это уже лучше!

Подполковник прошел к майору, стоявшему все время беседы начальника с врачом у шлагбаума, предложил:

– Виталий, отойдем?

– Как скажете.

Соколов последовал за Беляевым.

Они устроились в тенистой курилке, начальник отряда спросил:

– Деньги приготовил?

– Так точно! Теперь, думаю, долю Абдуламона надо его семье отдать?

Подполковник спросил:

– Какой семье? Первой, второй? Или поделишь бешеные для них деньги поровну? И как объяснишь столь щедрую выплату в дополнение к нищему по сравнению с твоими деньгами официальному пособию федерального правительства России по случаю потери кормильца на военной службе? Да тут же слух об этом разнесется по всей округе и ртов всем не закрыть! Ты этого хочешь?

– Нет, но...

– Никаких «но». Весь гонорар оставишь у себя. Деньги нужны живым, мертвым они ни к чему!

Майор спросил, меняя тему, изобразив до этого на лице удовлетворение решением Беляева:

– Как колонна «КамАЗов»? Прошла маршрут?

– Все о'кей! Грузовики с товаром дошли туда, куда было нужно. Скоро объявятся назад. Но сейчас не это главное! Нам надо после вскрытия передать труп Селдымурадова его первой жене и оказать помощь в похоронах по местным обычаям. Особо предупредить личный состав о неразглашении факта вскрытия на заставе трупа прапорщика! Под угрозой увольнения предупредить и от моего имени. А для помощи родственникам покойного отрядишь в Ургаб четверых своих таджиков. Контроль на посту усилить. По данным Мансура, какие-то чабаны собираются на частном «газоне» в обшивке сиденья перевезти в Киргизию десять килограммов опия-сырца. Задержи их и оформи задержание как положено. Я пришлю оператора. Он проведет видеосъемку уничтожения наркотика прямо на площадке особого досмотра машин. Нам же надо показать, что мы здесь не мух ловим, а работаем в поте лица. И с другими одиночками поступать так же. Неплохо было бы каких-нибудь лохов спровоцировать на оказание сопротивления да завалить на посту пару-тройку наркодельцов. Это подняло бы рейтинг заставы, ну, а с ней и всего отряда! Просекаешь?

Соколов утвердительно кивнул головой.

Подполковник продолжил:

– Пока мы не планируем каких-то крупных перебросок дури из Таджикистана в Киргизию, так что работай спокойно, а вот к концу августа следует ждать серьезного каравана. Такого

объема наркоты, которая, по моей информации, должна пойти в Ашал, мы еще не пропускали. А значит, и деньги поднимем хорошие, так что можно будет конкретно заняться своим будущим, Виталик!

Майор спросил:

– Я видел, как врач выходил из казармы. Он доложил о результатах экспертизы?

– Да! – кратко ответил подполковник.

– И каково его заключение?

– Острая сердечная недостаточность!

Соколов проговорил:

– Я так и думал. Вот как в жизни бывает! Живет человек, к чему-то стремится, чего-то добивается, чем-то наслаждается, от чего-то страдает. И вдруг... остановка сердца. Все! Смерть! Был человек, и нет его.

Подполковник внимательно взглянул на подчиненного:

– Ты эти мрачные мысли брось, все мы обречены когда-то уйти в землю. Нам надо продолжать жить, а не ныть, как бабам!

– Да я ничего, просто Селдимурадова жаль. Надежен он был и исполнитель. Любил деньги? А кто их не любит? Сейчас без них ты никто, червь навозный, раб обстоятельств, перед которыми вынужден гнуться, чтобы выжить! Несправедливо все это...

Беляев прервал начальника заставы:

– Достаточно рассуждений, майор! Принеси деньги да займись делом. Отправкой трупа родственникам, оформлением всех положенных в этих случаях документов и тем, о чем я уже говорил тебе. Завтра я пришлю тебе нового помощника, на этот раз офицера, старшего лейтенанта, тогда, предугадывая твой вопрос, и к жене съездишь!

Майор спросил:

– А сюда, на заставу, перевезти ее нельзя?

Подполковник ответил:

– Надо ли? В Ургабе она в полной безопасности и в обществе женщин. Как к ней относятся в доме Мансура, ты знаешь. А здесь? Однообразие. Опасное однообразие, грозящее в любой момент обернуться жесточайшим боем. Кто даст гарантию, что какие-нибудь не подконтрольные никому отморозки не решат силой прорвать границу? И тогда схватка! Бой! Ты офицер, ты к нему готов, а супруга? Тебе ее не жалко?

Соколов упрямо проговорил:

– Вы – мужчина, и я – мужчина! Вам никогда в голову не приходило, что я могу ревновать свою Надежду? И когда вижу ее веселой, жизнерадостной, у меня портится настроение. Отчего? Не от этой ли самой ревности? А здесь она была бы рядом, как и полагается жене офицера. Бой? Пусть бой! Смерть? Значит, смерть, но одна на двоих!

Беляев ухмыльнулся:

– А ты, оказывается, эгоист, Соколов. Хочешь жить по принципу – все мое со мной и за мной, даже в могилу! Может, так и надо? Ладно, я подумаю над твоей просьбой. Пока же работай в прежнем режиме. Прибудет заместитель, езжай в Ургабу, к своей ненаглядной, сутки в твоём распоряжении!

– Есть, товарищ подполковник!

– Ну, вот и договорились. Неси деньги.

Майор вынес из своей комнаты такой же, как и в предыдущий раз, пакет, но уже с яблоками.

Подполковник, приняв фрукты, попрощался:

– Я в Сары, если что, вызывай! К тебе последнее время особенно вечером почему-то стало трудно пробиться по связи. Надо связистов за хобот дернуть, пусть разберутся в своих делах. Пока, майор, и до встречи!

– До встречи, товарищ подполковник!

Беляев прошел к «УАЗу», его сопровождение заняло свои места в командирской машине и открытом «ГАЗ-66». Машины начальника отряда развернулись и короткой колонной, поднимая за собой пыль, пошли к развилке, оттуда на Сары.

Майор же вызвал к себе одного из подчиненных ему прапорщиков, спросил:

– Джалиль, ты земляк покойного Абдуламона?

– Так точно!

– Возьми с собой трех солдат-таджиков, оденьте Селдымурадова в парадную форму, так, чтобы скрыть следы вскрытия, и о нем, предупреждая, никому из родственников ни слова, отвезите тело в Ургаб. Поможете там с похоронами, салют организуете, ну... ты понял, что я хочу сказать!

– Понял, командир! Но покойного, по нашим обычаям, принято хоронить в саване, снимать парадку все равно придется.

– Меня это не волнует, но хоронить прапорщика в российской форме, на нее и наденете саван или еще что-то, что там у вас положено. Это приказ! Твоя задача, по приказу подполковника Беляева, не допустить, чтобы родственники увидели следы вскрытия. За ее невыполнение начальник отряда грозил увольнением. Выполнять приказ!

Джалиль ответил:

– Есть! Но если мы покинем пост, то здесь неизбежно возникнет пробка.

– Это не твоя забота, прапорщик. И что-то ты разговорился, тебе не кажется? Получил задачу, выполняй ее, иначе Беляев устроит тебе жизнь веселую, ты его знаешь не хуже меня!

– Все понял. Разрешите идти?

– Иди!

Вскоре дежурная машина с телом умершего Селдымурадова и небольшим воинским эскортом убыла в поселок Ургаб.

Майор усилил пост за счет резервной смены. Работа вошла в свое привычное русло. И только неожиданный сигнал вызова по радиации прервал ее. Майора вызывал командир отряда спецназа:

– «Перевал»?

– Я!

– Слышал твой разговор с начальством, майор. Заметил-таки Беляев неполадки на линии связи. Поэтому меняем порядок и режим общения. В обед обойди казарму, у своего окна в кустах найдешь портативный прибор прямой связи со мной. Это аппарат импульсной, кодированной связи. Перехватить переговоры по ней невозможно. Только держи его вне казармы, стирая после каждого сеанса свои пальчики. На всякий непредвиденный случай! Понял?

Соколов ответил:

– Так точно!

– После встречи с Надеждой продолжай требовать у начальника отряда перевода супруги к себе на заставу.

Майор встрепенулся:

– Ей что-то грозит?

Полковник ответил:

– То же самое, что и любому заложнику, а именно эту роль отвел твоей супруге Беляев. Чтобы иметь возможность воздействовать на тебя. Но это ты и без меня должен понимать. Мои люди следят за домом Мансура и в обиду твою Надежду не дадут. Но лучше лишиться оборотня Беляева возможности манипулировать тобой и полностью обезопасить супругу. Ну, а упрется подполковник, не пойдет на ваше воссоединение, мы придумаем, как убрать женщину из дома наркобарона в безопасное место!

Соколов спросил:

– Вы это серьезно, полковник?

– Абсолютно! И запомни, майор, спецназ, проводя боевые операции, не расположен к шуткам или пустым разговорам. Все, что он делает, очень серьезно и смертельно опасно... для противника! И смотри супруге своей не проговорись о контакте с нами. Работай! Конец связи!

– Конец! – проговорил офицер-пограничник, глубоко задумавшись.

Глава 4

В Главный штаб «Виртуса» ежедневно, докладами командиров отрядов, поступала информация с мест дислокации подразделений спецназа. Из Форога, где обосновался «Легион-2», подполковник Кудрин сообщал лишь о том, что на продовольственную базу поселка время от времени поступает наркотик малыми объемами, и доставляется он разрозненными группами. Но если просчитать, сколько таких мелких партий принимает база, то получалось, что таджик Ахун складировал внушительное количество дури. Из чего следовало – к отправке в конце месяца готовится большой караван.

Тот самый, о котором в разговоре с Соколовым упомянул подполковник Беляев. Кудрин получил задачу через свой рентгеновский прибор продолжать наблюдение за всеми передвижениями товара внутри продовольственной базы и вне ее, особенно за его ввозом, одновременно готовя план штурма неплохо охраняемой боевиками Ахуна базы, как укрепленного опорного пункта.

На самом перевале, где границу между Таджикистаном и Киргизией прикрывал пост Караульского отряда под полным контролем отряда «Бадахшан» полковника Полуянова, изменений не было.

И только в Ашале продолжалось внедрение на барульскую базу двух офицеров «Легиона-2» полковника Злотова.

* * *

Прибыв после телефонного звонка в усадьбу Асланбека, чайханщик Ходжа подробно рассказал хозяину поселка о внезапно появившихся русских бомжах и о том, что, по их словам, вынудило русаков объявиться в Ашале.

Легенда Симаклова и Леонидова была создана по фактическим данным. В Ферганской долине действительно владел конопляными плантациями некий Хан, или Кадыр Кадыров, на него работал и бай, Шакир Зурабов. Действительным было и то, что сравнительно недавно кучка рабов на плантации подняла мятеж, убив бая с его охраной, и рабы разбежались кто куда. Хану пришлось высылать значительные силы для поимки сбежавших невольников.

И ему удалось вернуть почти всех, над которыми он потом устроил публичную показательную казнь, убив каждого третьего раба. Но кое-кому удалось и скрыться. Кому именно, даже Хану не было точно известно, так как учет невольников вел бай, а оставшиеся в живых рабы дали противоречивые показания. Одно было очевидным – среди непойманных невольников были двое русских молодых парней, которые и расправились с баем и укатили с плантации на его джипе. Этот факт был известен не только разведке «Виртуса» и полковнику Злотову, но и Малику Асланбекову, конкуренту и врагу Хана. Так что рассказ Ходжи не вызвал у наркобарона каких-либо сомнений. Легенда Службы сделала свое дело, заставив Асланбека поверить в то, что именно те два молодых парня, сбежавшие от Хана, и пришли в поселок. Тем более, русские подробно и правдоподобно рассказали о своих приключениях. Человек, не побывавший на плантациях Ферганской долины, не мог так точно указать место их нахождения и поведать об убийстве бая. Поведать так, как это произошло на самом деле. И то, что джип с оружием охраны был продан цыганам, тоже имело подтверждение. Действительно какие-то русские подогнали цыгану Бадур и иномарку, и оружие. И это в свое время дошло в виде слухов до Асланбека. Единственное, чего он не мог знать, но что знала разведка Службы: цыган вместо денег рассчитался с беглецами по-своему, лично убив их в стороне от табора. Но всем Бадур говорил, что отпустил беглецов, заплатив им по совести. А джип вскоре перепродал.

Так что Асланбек не имел никаких оснований не поверить в истинность слов и намерений объявившихся в Ашале беглецов.

А наркобарону нужны были люди.

Именно такие, как эти Симон и Кача. Не в качестве рабов, тех, слава Аллаху, доставил вместе с товаром хромой Анвар.

Малику нужны были крепкие надзиратели за рабами и одновременно охранники запасов наркоты. И, судя по тому, как показали себя русаки в Узбекистане, они были как раз людьми, нужными наркобарону. Их стоило взять на службу, предварительно, на всякий случай проверив боевые возможности парней. Проверить, настолько ли они крепки, как пытаются себя выставить.

Асланбек принял решение и обратился к чайханщику:

– Завтра утром, Ходжа, в 7.30 жди меня у своего дома. Поедем в чайхану. Вызовешь своего шныря Али, послушаем, что он расскажет о поведении русских, ну а потом познакомлюсь с ними лично. Там же, в чайхане, я и решу их судьбу!

Ходжа попытался спросить:

– А это, хозяин?..

Асланбек знал, о чем хочет спросить чайханщик, поэтому сказал:

– Я заберу у тебя этих русских в любом случае, но так как они твоя добыча, то получишь по пятьсот баксов за каждого. И не пытайся торговаться, я не люблю этого! И так деньги, считай, задарма получаешь!

Чайханщик сложил руки на груди:

– Что вы, хозяин! Как могли подумать о каком-то торге? Я с благодарностью возьму то, что даст ваша поистине щедрая рука!

Наркобарон, довольный ответом подхалима, приказал:

– Хоп, Ходжа, иди домой! Отдыхай, до завтра.

Ходжа, низко склонившись, пятками вперед покинул богато обставленную комнату Асланбека.

А тот вызвал к себе начальника личной охраны Батыра. Помощник явился на вызов практически мгновенно. Дисциплина у наркобарона была поставлена на надлежащем уровне.

– Слушаю, хозяин!

Асланбек приказал ближайшему помощнику немедленно установить наблюдение за чайханой Ходжи с задачей не допустить ухода русских из поселка.

Батыр спросил:

– Что делать, если русаки все же попытаются сорваться ночью из Ашала? Валишь?

– Ни в коем случае! Вернуть на место, до утра держать под стражей! Но будь осторожен, Батыр, и для наблюдения снаряди лучших своих бойцов. Эти русские, судя по всему, сильны, опасны и бесстрашны.

– Я понял вас, хозяин!

– Выполняй!

Начальник охраны удалился, и вскоре, когда Симаков с Леонидовым развлекались с местными проститутками, дом, в котором они специально устроили дикую оргию, был плотно оцеплен. О чем, выйдя в туалет, капитан Симаков получил сообщение от командира группы прикрытия по скрытой в часах специальной связи.

Все шло по плану!

Отпустив шлюх, зная, что за ними ведется наблюдение с прослушкой, офицеры, допив остатки водки, завалились на кошму спать, несмотря на относительно раннее еще время.

А Али на своем посту в шесть утра снял с магнитофона третью катушку с пустой пленкой!

Асланбек ровно в 7.30 на своем джипе подъехал к небольшому, но добротному дому Ходжи. Чайханщик уже ждал босса у ворот. Наркобарон указал через открытое окошко на

заднее сиденье. Туда и нырнул Ходжа, потеснив двух вооруженных короткоствольными автоматами «АКСУ-74» телохранителей Асланбека.

Спустя десять минут они остановились в пятидесяти метрах от чайханы. Начальник охраны, лично осуществлявший контроль над заведением Ходжи, доложил боссу о том, что с момента прибытия сюда отряда в шесть человек, взявших чайхану в кольцо окружения, ничего особенного не замечено. Никто из нее дальше двора не выходил.

Асланбек спросил:

– А во двор, значит, выходили?

Ходжа объяснил:

– Так там же туалет, хозяин.

Но Малик перебил его:

– Помолчи!

И вновь обратился к Батыру:

– Кто выходил во двор?

– И двое русаков, и проститутки...

– Когда русские посещали сортир, прослушивающее устройство включали?

– Включали, босс.

– И что?

– Совершенно ничего, только звуки... ну сами знаете чего!

– Хорошо!

Асланбек повернулся к чайханщику:

– Давай, Ходжа, сюда своего Али!

Чайханщик побежал к своему заведению. Вскоре вернулся с Али, несшим в руках мешок с магнитофоном.

Али, приблизившись к наркобарону, поклонился:

– Ассолом аллейкюм, хозяин!

– Ва аллейкюм! Что скажешь, Али?

Родственник Ходжи пожал плечами:

– Да и говорить-то нечего! Как эти гяуры отымели шлюх, так, выжав водки, и завалились спать.

– Так рано?

– Да, но это правда!

– Продолжай.

– Значит, легли спать и до сих пор валяются на топчане. Правда, часов в семь похмелились, видно. Я слышал, как они открывали холодильник, потом кряхтели, когда пили.

Асланбек нахмурился:

– И ни о чем за все время не говорили между собой?

– Клянусь мамой, хозяин, ни словом не обмолвились. Да вот пленки, хотите послушайте, тишина одна!

Наркобарон бросил Батыру:

– Магнитофон на быстрое прослушивание! Живее!

Через пятнадцать минут и начальник личной охраны подтвердил, что пленки все время стояли в режиме записи, но, кроме воплей проституток да потом разных шорохов, ничего не зафиксировали.

Асланбек хмыкнул:

– Что ж, Батыр, прикажи своим людям идти отдыхать, сам с Мусой и Селимом за мной! Ходжа! Веди нас к гостям.

Батыр отдал приказ о снятии оцепления, подготовив автомат к бою на всякий случай, вызвал названных хозяином бойцов, вооруженных кривыми острыми, как бритва, кинжалами, и с ними двинулся к чайхане следом за Асланбеком.

Ходжа постучал в дверь:

– Эй, уважаемые, подъем! К вам посетители!

Кто-то из русских недовольно спросил из-за закрытых на засов дверей:

– Это ты, Ходжа-ага?

– Я, я, и, как предупреждал, не один!

– Мог бы и раньше разбудить, мы хоть умылись бы!

– Ничего, умоетесь еще, открывайте! Люди, что пришли посмотреть на вас, очень не любят ждать!

Симаков проговорил:

– Да иду уже! – И, обращаясь к своему напарнику: – Кача! Быстро поднимайся, кажись, нам сейчас смотрины устроят!

Дверь отворилась.

Первыми в помещение вошли Ходжа с Батыром, следом Муса с Селимом, и только потом сам Асланбек. Ему тут же подставили стул.

Капитан Симаков и старший лейтенант Леонидов, Симон и Кача, застыли с помятыми физиономиями у топчана, окруженные со всех сторон.

Группа прикрытия тем временем приготовилась для броска и защиты своих сослуживцев.

А наркобарон сидел и молчал, внимательно разглядывая «дезертиров» и «рабов» в прошлом. Наконец он, закулив, спросил:

– Ну что, бродяги? Вы стремились в Ашал, вы здесь! Я слышал, вам работа нужна?

– Да! – ответил Симаков. – Не знаю, как величать вас.

Ходжа произнес:

– Перед вами, русские, сам хозяин! Так и обращайтесь к нему.

Капитан повторил:

– Да, мы с другом хотели бы найти работу.

Асланбек проговорил:

– Рисковые вы парни, я смотрю, русаки! Или безголовые, что более вероятно. Неужели до сих пор не поняли, что здесь, в Средней Азии, вам ничего, кроме рабства, не светит? Ведь уже обжигались на этом?

Симаков в сердцах сплюнул на пол:

– Бля! Так я и думал! Опять мы, Кача, – он повернулся к товарищу, – попали! Но...

Асланбек резко оборвал капитана:

– Ты плевать-ся знаешь где будешь? В яме, куда я тебя одним мановением руки могу отправить.

На что офицер спецназа так же грубо ответил:

– Еще один бай? Ну давай, сажай нас в яму, только учти, ни хрена у тебя не выйдет. Пусть сначала твои рексы попробуют взять нас! Живыми мы не дадимся! Хватит, набатрачивались у одного козла, лучше сдохнуть в этой чайхане, раз так масть легла, чем опять в рабство. Так что никаких рабов ты, корешок, не получишь. Трупы да, рабов нет! Я прав, Кача?

Старший лейтенант, насупившись, сжал кулаки, напрягся:

– Прав, Симон! А ты, хозяин, давай команду, пусть возьмут нас, если смогут.

Но Асланбек не спешил. Докурив сигарету, он затушил ее в угодливо поднесенной Ходжой пепельнице. Вновь взглянул на «бомжей», ответил неожиданно:

– А вы, русские, ничего! Держитесь неплохо! Мне это нравится, но вот, я смотрю, мои люди обозлились на вас, обидели вы их, русские! А они обид не прощают. Так что ответить

за слова вам придется, хотя... видит Аллах, я не хотел бы этого. Но, к сожалению, ничего в данной ситуации поделать не могу! Не могу идти против наших законов!

Он повернулся к Мусе с Селимом:

– Я все правильно сказал, братья? Или, может, вам безразлично то, что говорили русские?

Муса выступил вперед:

– Хозяин! Эти облезлые шакалы посмели оскорбить нас, нагрубить вам. Они должны ответить за это кровью своей.

Асланбек вздохнул:

– Ну что ж, вас двое, русских тоже двое. Поединок будет честным. Я отдаю вам русаков, Муса и Селим!

Наркобарон отодвинулся к углу, освобождая пространство для кровавой схватки. Рядом с ним встал Батыр, направив ствол автомата на офицеров спецназа. Ходжа же через боковой выход выбежал из чайханы, каким-то чудом не столкнувшись с двумя мужчинами, облаченными в черные костюмы, вооруженными скорострельными бесшумными пистолетами-пулеметами «Бизон-3».

Группа прикрытия проникла в здание, остановившись перед входом в комнату, где началась разгораться драма.

А с гор спустилась еще тройка спецов полковника Злотова.

В самой же чайхане бойцы наркобарона встали прямо напротив офицеров спецназа. Они уже были готовы броситься на противника, но их внезапно остановил Асланбек:

– Стоять! Несколько слов русским: если вы сумеете, русаки, продержаться против моих людей три минуты, оплачиваемая работа вам будет обеспечена. В награду за стойкость. А теперь начинайте!

Наркобарон приготовился увидеть отчаянную драку, много крови, прекрасно зная, что его бойцы не преминут пустить в ход кинжалы. Но Асланбек был готов остановить бой до того, как Селим с Мусой успеют завалить противника. В исходе схватки он не сомневался. Но то, что произошло дальше, Малик даже предположить не мог.

Как только раздалась повторная команда наркобарона на начало боя, русские применили необычную тактику мгновенной одновременной атаки на врага. Необычайность ее состояла в том, что Симаков и Леонидов провели перекрестную атаку. Капитан нанес сокрушительный удар в челюсть Селиму, стоящему против Леонидова, сразу же свернув, раздробив челюсть бойцу наркобарона и отправив того в шоковый нокаут. А старший лейтенант врезал в бок потенциальному противнику Симакова. Раздался хруст ломающихся ребер и звериный вопль Мусы. Он также, с расширенными от боли глазами, завалился прямо к ногам Асланбека и Батыра.

– Ай, я вашу маму... – изумленно воскликнул начальник личной охраны наркобарона, – я их нюх топтал, этих неверных. Селима с Мусой, как последних щенков, сделали!

Симаков же с Леонидовым как стояли у топчана, так и продолжали стоять, потирая кулаки.

Наступила решающая минута!

Бойцы группы прикрытия замерли на входе в комнату, видя своих офицеров, готовые в любую секунду открыть огонь по Батыру, если наркобарон отдаст команду помощнику на уничтожение бывших «рабов». Самого же Асланбека предстояло взять живым, тем более что никакого препятствия после устранения Батыра у спецназовцев не будет. В сложившейся ситуации только пленение наркобарона, взятие одного из руководителей цепи скорого наркотранзита под полный контроль оставляло шансы на продолжение операции.

Но спецам прикрытия действовать по экстренному и крайне нежелательному для отряда варианту не пришлось.

Вместо команды «Огонь!», придя в себя, Асланбек начал медленно аплодировать, приказав помощнику:

– Опустит волыну, Батыр! Русские победили в честном поединке и заслуживают похвалы, а не очереди из твоего автомата. Опустит ствол, я сказал! – Затем обратился к офицерам спецназа: – Bravo! Признаюсь, не ожидал столь скорой и неожиданной для меня развязки. Как это вы? Крест-накрест? Ничего подобного я еще не видел, а уж всяких рукопашных боев на своем веку повидал предостаточно.

Симаков ответил:

– Ты бы, хозяин, вместо того чтобы похвалу нам изливать, своим недоноскам лучше помог. Они теперь не скоро в строй встанут.

Асланбек согласился:

– Ты прав, русский! Батыр! Вызови сюда своих людей, пусть займутся лечением этих сраных гладиаторов. Ты понял, что я имею в виду?

– Конечно, босс!

– Выполняй!

Батыр достал рацию, что-то быстро сказал в нее. Вскоре к чайхане подъехала грузовая машина. В помещение вошли четверо киргизов. Помощник наркобарона указал им на поверженных Селима и Мусу:

– На лечение их!

– Яхши, командир, где лечить?

Батыр в немом вопросе поднял глаза на Асланбека.

Тот, прикуривая новую сигарету, безразлично произнес:

– В хижине у ущелья!

Батыр повернулся к киргизам:

– Все поняли?

– Так точно!

– Тогда за дело.

Люди помощника наркобарона привели в чувство Селима и вместе с Мусой, скривившимся от боли, вывели из чайханы, бросили раненых своих подельников в кузов. Сели и Муса сами, грузовик направился к противоположному выезду из поселка. Через десять километров, свернув к небольшой хижине у ущелья, автомобиль остановился.

Муса спросил:

– Зачем нас привезли сюда? Нам надо в больницу.

Киргизы засмеялись:

– Вас и привезли в больницу, сейчас лечить начнем.

Сказав это, старший группы выволок Селима и Мусу из кузова на землю. Тут же двое киргизов насели на незадачливых гладиаторов и перерезали им горло кривыми кинжалами. И столкнули трупы в глубокую пропасть.

Лечение по Асланбеку закончилось.

А в чайхане наркобарон продолжал восторгаться действиями русских парней:

– Вы настоящие воины. Молодцы! Теперь я понимаю, что у бая Хана с его охраной никаких шансов спастись от вас не было. Вы смелые люди, смелые и сильные! Эти качества ценны везде. Я уже говорил, что если вы сумеете выстоять против моих бойцов хоть три минуты, то получите работу. И вы ее получите!

Группа прикрытия отошла к выходу из здания. Тройка поддержки, связанная с ней специальной связью, приостановила свое продвижение к чайхане. А наблюдатели полковника Злотова продолжали слушать комнату.

Асланбек продолжил:

– Теперь, после того как я воочию убедился в ваших возможностях, работу предлагаю на выбор. Но для начала объясню ситуацию. Недалеко отсюда находится селение Баруль, в нем крупная продовольственная база, принадлежащая мне, которая снабжает продовольствием весь Ашал с близлежащими аулами. Но есть там особый ангар, где складирован и особый товар. В этом хранилище пахнут рабы. Над ними нужны надзиратели, чтобы следить за тем, как работают рабы, и подгонять их. Там есть начальник, но он один явно не справляется. Ему требуются помощники. Мое первое предложение: из бывших рабов стать их надзирателями, свободными людьми. Это стоит дорого в моральном плане, в материальном я готов обеспечить вас отдельной комнатой для отдыха, полноценным питанием, обмундированием и... денежным довольствием в размере трехсот долларов в месяц. Это большие здесь деньги! Что скажете, русские?

Симаков произнес:

– С этим предложением все понятно. Но хотелось бы узнать и другое предложение. Может, оно будет более привлекательным, у нас же есть, как я понял, право выбора?

– Право выбора у вас есть.

– Тогда назовите второе предложение.

– Охрана склада с рабами изнутри, на тех же условиях. Сутки один, сутки другой.

Все тот же Симаков, изобразив хитрый взгляд, спросил:

– А нельзя совместить первое и второе предложение? Если охранять склад изнутри, то можно и смотреть за рабами. А это, если по справедливости, увеличение денежного содержания, а?

Наркобарон усмехнулся:

– Ты неглупый человек, как тебя там?

– Симон, – ответил капитан Симаков.

– Да, ты, Симон, неглупый человек. Хорошо! Вы будете и охранниками, и надзирателями одновременно, с зарплатой в четыреста баксов.

– Пятьсот! И начинаем службу.

Асланбек повысил голос:

– А вот торговаться со мной не стоит! Сказал четыреста, значит, четыреста! Но проявите себя, посмотрим, не исключено, что я и изменю свое решение.

Симаков ответил:

– Хоп, хозяин! Договорились! Когда отвезешь нас в свой Каргуль?

Батыр уточнил:

– В Баруль!

– Да какая, на хер, разница? Баруль, Каргуль, Маргуль? Быстрее бы устроиться! Надоели эта бродячая жизнь и приключения всякие!

Асланбек ненадолго задумался:

– Все, о чем я вам говорил и что предлагал, выполнимо при одном условии.

Симаков недовольно переспросил:

– Каком еще условии?

Наркобарон вздохнул:

– В хранилище рабы выполняют тяжелую, но посильную работу, однако некоторые пытаются сбежать или скосить под больных.

Капитан спецназа кивнул головой:

– Это мне знакомо! И что дальше?

– А то, что есть у меня два таких типа, из старой команды, которую мы поменяли, они прикинулись больными и не хотят работать. А может, и действительно больше не могут. Зачем мне их кормить? Они ненужный балласт, от которого надо избавляться. Так вот, условие состоит в том, что каждый из вас должен лично убить по одному из этих рабов. Таковы правила. И мне нужна страховка, что вы сами не задумаете какую глупость против меня. В

жизни всякое бывает! А так, когда вас снимут на пленку во время казни, вы попадете в некую зависимость от меня. Видите, я полностью откровенен с вами!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.